

Александр ШОРИН

ОСЬ ВТОРОГО
ПОРЯДКА

Роман-фэнтези

Екатеринбург

Александр Шорин

Ось второго порядка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38613423

ISBN 9785449354761

Аннотация

Мир людей веками противостоит миру магов. Кто же победит? Иногда человек может быть сильнее мага, особенно если он борется за любовь. Все здесь как на шахматной доске: каждый неверный шаг может стоить жизни.

Содержание

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ. ГОЛОВОЛОМКА ЭЙНШТЕЙНА	6
ПРОЛОГ	12
Поединок	12
Онуфрий	19
Возвращение к жизни	22
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	24
Мир людей	24
Несколько лет назад	24
Разбитые надежды	38
Плач	51
От + до —	52
НИ-КОГ-ДА	53
Накрутка резьбы	53
Спираль	54
Уровень чувств	54
ЭТОГО НЕ ПРОИСХОДИТ. Я СНОВА ВОЗВРАЩАЮСЬ НА ПЕПЕЛИЩЕ	55
Уровень разума	56
Финал	58
Глава 2. Желание изменить жизнь	60
Глава 3. Чатуранга	69
Глава 4. Записки сумасшедшего	80

Начало.doc	80
Психиатры.doc	88
Сон. Точка отсчета.doc	93
Линия Виктора.doc	96
Линия Дмитрия.doc	103
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Ось второго порядка

Александр Шорин

© Александр Шорин, 2018

ISBN 978-5-4493-5476-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

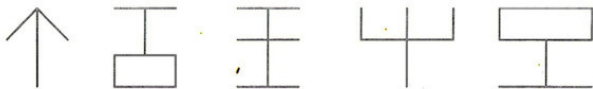
ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ. ГОЛОВОЛОМКА ЭЙНШТЕЙНА

Как-то мне пришлось ехать ночным поездом из Киева в Москву. Общий вагон. Столько людей, что даже присесть негде. Но мне повезло с попутчиком – веселым и разговорчивым парнем. Он показал мне очень интересную головоломку. Сейчас я называю эту головоломку «тестом Эйнштейна» – из-за легенды, которой она овевана.

Легенда такова. Когда Альберта Эйнштейна официально объявили гением, множество людей захотели стать его учениками. В какой-то момент ему надоело с ними возиться, он придумал простенькую головоломку и объявил: кто решит её за одну минуту, тот достоин стать его учеником. Если не решивший её обижался и говорил: «Это очень сложная головоломка, её невозможно решить за одну минуту», Эйнштейн лишь пожимал плечами – ведь головоломка действительно очень простая.

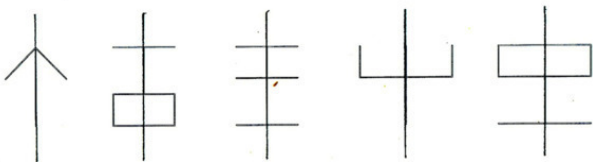
Правдива легенда или нет – я не знаю. Да это и не важно. Я головоломку разгадал – но не за одну минуту, за час примерно. А потом показывал её очень многим, и было несколько человек, разгадавших её быстро: минут за пять-десять. За минуту не справился никто.

Головоломка и вправду простая. Предлагается ряд фигур.

Задание: правильно изобразить следующий значок. Минута пошла!

Лучше всех из моих друзей справились те, которые, как и я, изучали кристаллографию. Оказывается, если провести каждой фигуре ось второго порядка, всё становится намного более понятным.

Линия, разделяющая каждую из фигур ровно пополам, – это и есть ось второго порядка. Если присмотреться, каждая из фигур зеркально повторяет себя.

Теперь до разгадки головоломки Эйнштейна совсем неда-

леко. Присмотритесь: это цифры 1 2 3 4 5 в том виде, в каком они изображаются на электронных табло, только со своим зеркальным отражением. Отгадка – цифра 6 с зеркальной шестеркой. Просто, как всё гениальное!

А теперь самое время рассказать, зачем я привел пример с головоломкой Эйнштейна. Каждый из нас, как и любая из этих фигур, имеет ось второго порядка: если его условной линией разделить пополам – ровненько посередине носа, – то мы увидим, что человек в обе стороны блещет симметрией: два крыла носа, два глаза, два уха и т. д. Немного иначе с внутренними органами, но и там симметрия нарушается в пределах погрешности. Мозги наши тоже устроены по принципу дихотомии, то есть деления надвое. Все основополагающие понятия нашей жизни делятся надвое: Белое-Чёрное, Друзья-Враги, Инь-Янь, Жизнь-Смерть. Этот ряд можно продолжать до бесконечности.

Вы можете возразить: человек неизмеримо сложнее! Да, это так, но начинается всё с двойки. С оси второго порядка. Троичность и четверичность нашего мышления – это уже результат усложнения двойки. Простой пример: в стандартной колоде карт четыре масти – Бубны, Червы, Трефы и Пики. Но цвета всего два: Красный и Черный. Ещё пример: есть четыре возраста человека – Детство, Юность, Зрелость и Старость. Но сводятся все состояния человека к двум простым: он либо Жив, либо Мёртв.

Идём дальше. Предположим, что эта двойка в нашем

мышлении некогда была единицей. Не будем оригинальничать и ради примера, вслед за Платоном, повторим вкратце один древний миф: люди когда-то были однополыми и потому очень сильными. Такими сильными, что могли соперничать с богами. Боги, в стремлении ослабить людей, разделили каждого человека на две половинки: из кого-то получились Мужчина и Женщина, из кого-то два мужчины, из кого-то две женщины. И с тех пор люди ходят по свету и ищут свои половинки... Красивый миф, не правда ли? Так или иначе, суть его проста: единица превратилась в двойку. И только при единении (совокуплении?) эта двойка снова, хотя бы ненадолго, становится единицей.

Наш мир, который большинство людей считают единичным, действительно когда-то был таковым. Есть такой научный термин – «точка бифуркации». Если объяснять его простым человеческим языком – то это перепутье. Как на картине Васнецова: направо пойдешь – коня потеряешь, налево пойдешь – голову потеряешь... В данном случае речь идёт о человечестве в ключевой, переломный момент его существования. Таких перепутий в истории случилось немало, но когда-то перепутье встретилось в первый раз – вот тогда-то единица и превратилась в двойку.

Попробуем представить, как это было. Но прежде ответим на вопрос: может ли герой одновременно быть Воином и Магом? Может, но и Воин, и Маг из него получится, прямо скажем, плохонький: для достижения успеха нужно развивать

что-то одно – или Силу, или Магические способности. Человечество, в пору пересечения своей первой точки бифуркации встало перед дилеммой: Магия или Техника. Надеюсь, не нужно объяснять, что в мире людей победила Техника?.. Тогда поехали дальше.

Человечество не выбирало какой-то один путь. Человечество выбрало оба пути одновременно! Это тайна, которая на самом деле лежит на поверхности! Какое-то время пути двух миров шли параллельно: в одном развивалась Техника, в другом – Магия. Поначалу переход из одного мира в другой был легким и недолгим – как сходить в гости в соседнюю деревню. И частенько люди-интуиты шли себе спокойненько в мир магов, чтобы прожить свой век там, а люди-счётчики, то есть люди с развитой логикой, шли в мир Техники.

Постепенно миры отдалялись друг от друга, и когда удалились настолько, что сам факт существования альтернативного мира исчез даже из мифов, реализовался знаменитый миф Платона: единица стала двойкой. Но мир – НАСТОЯЩИЙ мир – остался един, и поэтому каждый из двух миров, его составляющих, получился в точности как зеркальное отражение другого. Одно ухо и один глаз продолжали жить по разные стороны головы, не подозревая о существовании друг друга.

А теперь самое время снова вспомнить об Эйнштейне. Параллельные прямые в бесконечности пересекаются. А наши два мира пересекаются в оси второго порядка: именно

там, на границе, где проходит незримая ось. Граница между мирами...

ПРОЛОГ

Поединок

Был поздний вечер, и ветер глухо рычал, рождая пенные буруны вдоль реки, когда в дверь трактира «Кабанья глотка», по такому времени уже наглухо закрытую, постучали тяжёлым резным деревянным молотком, обитым ржавым железом. Хозяин трактира – рыжеволосый детина с опухшим красным лицом, не облагороженным ничем, кроме нескольких старых шрамов, пошёл открывать, бормоча себе под нос проклятия столь затейливые, что сделали бы честь даже матросу Королевского флота.

Поздние гости Гансу (так звали хозяина трактира) не понравились сразу: две фигуры, закутанные в чёрные плащи с капюшонами, почти полностью скрывающими лица. Один из капюшонов уверенным голосом потребовал две порции горячего грога и комнату на ночь. Что-то в этом голосе заставило старого пройдоху Ганса приберечь проклятия до другого случая и пойти выполнить заказ.

Поздние посетители трактира, судя по всему, совсем немного опоздали на какое-то пиршество: в полутёмном зале, главной достопримечательностью коего являлся большой крепкий стол, повсюду были разбросаны кости с остатками

мяса, пустые бутылки и помятые бронзовые бокалы. Большой охотничий нож почти по рукоятку был утоплен в столешнице, а откуда-то из-под лавки отчётливо слышался богатырский храп.

– Извините, тут не убрано, – без малейшей ноты извинения в голосе бросил трактирщик, вернувшийся с большими кружками, над которыми клубился горячий винный пар.

Ловким движением локтя он разгрёб угол стола и приглашающим жестом указал гостям на лавку. Гости присели друг напротив друга, откинув капюшоны и ухватив большие кружки обеими руками: не иначе, намёрзлись.

Гансухватило одного брошенного на их лица взгляда, чтобы утвердиться во мнении, что сегодня его ждут неприятности. Некоторое время он, счищая ножом плесень с колбас, которые собирался подать к столу, размышлял над тем, что именно ему не понравилось в поздних гостях. На первый взгляд ничего из ряда вон выходящего. Трезвые. Уставшие. Оба темноволосые: у одного волосы короткие и вьющиеся, у другого – прямые и очень длинные. Длинноволосый горбонос и выглядит старше. Курчавый совсем ещё юн: румянец во всю щеку, губы пухлые, рот большой, уши слегка оттопыренные, глаза... Глаза! Вот оно!!! Глаза гостей, когда они смотрели друг на друга, пылали ненавистью!

Неужели дуэль? Ганс коротко и неумело перекрестился. Начал лихорадочно вспоминать: не было ли при них оружия? Не припомнилось. Немного успокоенный, но всё же полный

недобрых ожиданий, он принес тарелки с закуской и ещё раз оглядел постояльцев цепким взглядом. Мужчины спокойно продолжали пить. Молодой сидел, по-прежнему обхватив кружку обеими руками и слегка ссутулившись, а тот, что постарше, – откинувшись назад. Ганс взглянул на его пояс и обомлел: на месте, где мог бы висеть нож или кинжал, из ножен потертой кожи виднелся фрагмент старого дерева или кости, но вот только на рукоять ножа этот кусочек дерева был совершенно не похож: слишком тонок.

Ганс успел отвернуться, прежде чем пробормотал про себя: «Волшебники!».

Известно, что волшебство – удел одиночек. Парой могут путешествовать только учитель и ученик, или... два дуэлянта, выбравшие этот богом забытый дрянной трактир на окраине занюханного городишки для ментального поединка.

Только не это! Мало того, что в процессе магической схватки от трактира могут остаться обугленные головешки, так ведь после неё неизбежно расследование, на время которого трактир закроют... И велика вероятность того, что ему, хозяину трактира, никогда не удастся открыть его вновь. Ганс немного поразмышлял о том, что же можно предпринять. Обычным людям, к которым, безусловно, он относил и самого себя, вступать в спор двух волшебников – всё равно, что муравьям попытаться предотвратить битву быков. Вмешаться мог только другой волшебник. Но на всю округу волшебник был всего один, да и тот жил далеко за городом, вниз

по течению реки. К тому же он был стар, да и, строго говоря, волшебником-то не являлся: по слухам – бывший придворный Предсказатель. Должность, конечно, почётная, да вот только для предсказаний и боя используется совсем разная магия: об этом каждый ребёнок знает.

Между тем незнакомцы поднялись, о стол звякнули несколько мелких монет. Ганс поспешно подбежал к гостям, чтобы показать комнаты.

Далеко под утро, когда Ганс ворочался с боку на бок, пытаясь заснуть, на лестнице послышались негромкие, но уверенные шаги. Осторожно выглянув в щель, Ганс увидел, как оба незнакомца покидают его гостеприимное заведение. Он бесшумно скользнул к окну. В щели свистал ветер, на стекле виднелись потёки дождя и больше ничего: темнота, чуть разбавленная силуэтами кустов, шевелящих листьями.

Вдруг темноту прорезали яркие вспышки молний, словно морозящий осенний дождь вдруг решил перейти в грозу. Вот только Ганс знал, что это не так: колдовские молнии были тонкими, отливающими синевой, и били не в землю, а вдоль холма. В ужасе он закрыл голову руками, рухнул на пол и принялся молиться богам, в которых никогда не верил. Сквозь собственные мольбы он неясно различил чей-то вскрик.

Больше всего трактирщик боялся возвращения одного из магов, который может решить, что ему не нужен свиде-

тель. Но чем больше проходило времени, тем меньше становилась вероятность этого.

В дверь кто-то заскребся. Ганс, немного успокоившийся, снова сжался от страха, но вслед за скребущими звуками послышалось повизгивание. Он облегчённо вздохнул и приоткрыл дверь. Так и есть: верный охранник по кличке Махмуд (прозванный так за то, что был одноглазым), визжа, забежал в комнату, разбрызгивая вокруг себя воду с мокрой шерсти. На шее пса болтался кусок веревки, на которую Ганс его обычно привязывал.

Вид несчастной псины, казалось, должен был ещё больше напугать трактирщика, но почему-то появление Махмуда его приободрило: то ли любопытство взяло верх над осторожностью, то ли внутреннее чутьё, доставшееся в наследство от бабки-ведуньи, подсказало, что опасность миновала. Презрев природную боязливость, Ганс зажёл масляный фонарь и, сопровождаемый жмущимся к его ногам и поскуливающим псом вышел в ночь.

Куда идти, он примерно представлял: сразу за хлевом начинался овраг, за ним – холм. Именно в той стороне он видел синие молнии.

Через овраг вели нехитрые деревянные мостки, порядком покосившиеся от старости. Тяжело ступая по мокрым доскам, Ганс всматривался в темноту с тревогой: фонарь его виден издали, но выбора нет – без света он вряд ли сможет осмотреть место предполагаемой схватки.

Искать пришлось не так долго, как он ожидал. Сразу за оврагом Махмуд резко взял влево, и вскоре Ганс стоял над распростёртым телом одного из тех, кто совсем недавно был гостем его таверны. Прожжённый плащ покрывал нечто бесформенное, похожее на тук соломы. Это нечто слегка дымилось, несмотря на дождь. Пахло палёной шерстью и горелым мясом. Ганс наклонил фонарь. Лицо молодого мага не тронуто, но это уже не имело значения: жизни в нём не больше, чем в трухлявом пне. Вот только мёртвый маг мог принести Гансу не меньше хлопот, чем маг живой. Морщась от отвращения, трактирщик поднял тело, дивясь его тяжести, и потащил к реке – благо недалеко. На берегу сгрузил ношу на землю и с трудом перевёл дух.

Сначала Гансу захотелось просто бросить тело в воду, но после некоторых размышлений он отказался от этой идеи: наверняка оно затонет где-нибудь поблизости. Лучше вывезти его в лодке подальше и затопить там. Однако пока он отвязывал лодку, родилась идея получше: гнилое днище плоскодонки настолько прохудилось, что едва ли выдержит долгое плаванье; каблуком сапога он немного увеличил течь и опустил тело на дно. Потом с силой оттолкнул лодку от берега, плюнул в воду и поплелся назад в свой трактир.

Незадолго до рассвета, когда из-за туч всё-таки соизволила выползти луна, Махмуд, снова привязанный на своем обычном месте, под навесом, вдруг завыл так протяжно, что отозвались все окрестные собаки: этот вой ещё долго летал

по округе, перемещаясь кругами – то смолкающий, то возникающий вновь.

В постели Ганс, который так и не смог заснуть, совершенно неожиданно заплакал в подушку как ребёнок.

И только крик первого петуха, возвещающий о начале нового дня, заставил и собак, и трактирщика успокоиться.

Онуфрий

Утро выдалось неожиданно тёплым. Солнце не по-осеннему мягко освещало долину реки и единственный ветхий домишко, возле которого как поганки у трухлявого пня, расположились неказистые пристройки – их окна смотрели в реку пустыми глазницами. Несмотря на внешнее запустение, старый дом не пустовал. Внимательный взгляд заметил бы, что окна поблёскивают стеклами, а из трубы вьется легкий дымок.

В это утро, как и во всякое другое, Онуфрий, бывший придворный Предсказатель (а точнее, бывший ученик придворного Предсказателя), хлопотал по хозяйству: первым делом затопил печь приготовленными с вечера дровами, долго смотрел на разгорающийся огонь, потом осторожно, по-стариковски, встал, хрустнув древней поясницей. Вдумчиво прочистив большим пальцем левой руки ноздрю большого рыхлого носа, надел старую рыбацкую куртку, зимнюю шапку-ушанку, снял валенки, которые дома предпочитал любой другой обуви, и, надев кожаные сапоги, вышел из дома, хлопнув поплотнее массивную дверь.

Покряхтывая – не разошелся ещё с утра – Онуфрий добрался до завалинки, освещённой солнцем и, сморщив нос, показал белому свету и дворняге по имени Шустрый свой единственный жёлтый зуб. Пёс гавкнул для приличия, лиз-

нул старика в пожелтевшую от времени ладонь.

Старик уже потянулся к карману, где всегда лежало несколько кусочков колотого сахара, но пёс вел себя необычно: продолжая лаять, крутился на месте, то и дело отбегая к реке. Онуфрий, понимающий своего пса с полувзгляда, удивился и, поднявшись, поплелся к реке – туда, где Шустрый заметил что-то особенное.

К берегу прибило лодку, наполовину затопленную водой. На дне её лежал большой тёмный тюк. Неожиданно ловким движением старик вытянул нос лодки подальше на берег и, наклонившись, стал разглядывать находку. В мутной воде, обратив к небу бледное бескровное лицо, лежал темноволосый юноша в чёрной одежде. Старик коснулся пальцами холодного лица, затем распахнул на его груди плащ, в котором зияли прожжённые дыры. Вдохнул. Сноровисто приподнял тело, ухватил со спины и потащил к дому, по пути лишь разок остановившись передохнуть. Шустрый бегал вокруг него кругами и залиvistо лаял.

– Помолчи! – бросил старик коротко. Лай оборвался, пёс посмотрел на него с укоризной. – Жизни в нём почти не чувствую, – пояснил Онуфрий, – силы тоже немного, но что-то мне подсказывает, что этот подарочек ещё доставит нам с тобой хлопот.

Затащив тело юноши в дом, старик опустил его прямо на пол, возле печи. Скинул с себя куртку и сапоги, достал внушительного вида нож и аккуратно стал срезать одежду,

кидая её к двери, пока там не образовалась мокрая, вонючая куча. Внимательно осмотрев обнажённого, Онуфрий поцокал языком: грудь юноши была покрыта ожогами, которые напоминали собой воронки – такие раны мог нанести только колдовской огонь. Онуфрий помял кожу на груди юноши между пальцами и понюхал их. Несколько секунд он пребывал в задумчивости, а потом с усилием разжал парню челюсти. Запрокинул голову, словно собираясь с силами, набрал полную грудь воздуха и с диким, нечеловеческим криком начал вдвухать воздух ему в легкие.

Комната расплылась, потоки энергии полились с губ старика в неподвижное тело. Неожиданно юноша приподнялся, раскрыл и выпятил глаза, а затем снова рухнул на доски пола. Старик повалился рядом. Угли из печи взирали на них из-под белесых ресниц пепла, а Шустрый за дверью жалобно скулил и изо всех сил скрёб неподатливое дерево двери.

Возвращение к жизни

Был вечер, в печи горел огонь. В окно тяжело шмякались крупные капли дождя. Онуфрий стряпал на кухне. По всему дому разносились аппетитные запахи баранины и жарящегося лука.

Юноша приподнялся на лежаке, посмотрел вокруг невидящими глазами и вскрикнул. Старик подошел к лежаку.

– Я не вижу, – произнес юноша жалобным голосом, – Я ничего не вижу.

Старик провёл рукой возле его лица и сказал:

– Смотри магическим зрением.

Юноша вздрогнул.

– Кто здесь?

– Коли ты до сих пор жив, значит, рядом с тобой не враг, – усмехнулся старик в ответ. – Когда сможешь посмотреть магически, получишь ответ на свой вопрос.

– Я не умею... магически, – пролепетал юноша.

– Ты не маг? – удивился старик и снова внимательно взглянул на него.

Тот энергично помотал головой.

– Силы в тебе мало, – сказал старик задумчиво, – но она есть. Отвечай, кто ты такой!

Вместо ответа юноша расплакался.

Потом старик кормил его с ложки бульоном. Тот ел без

аппетита, но старательно, бормоча сквозь слезы:

– Я из другого мира – где нет магов. Меня зовут Виктор.

Витя.

После ужина старик аккуратно приподнял его, пересадил в кресло у печки. Повелел:

– Откройся и вспоминай всё по порядку.

– Я... не умею. Лучше расскажу.

– Не нужны мне твои рассказы, – буркнул Онуфрий. – Всё равно наврёшь половину, если не больше. Откройся и вспоминай! Я помогу.

Виктору показалось, что он задремал. Вспоминать вдруг стало удивительно легко.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Мир людей

ГЛАВА 1. ЛИНОЧКА

Несколько лет назад

Я – девушка двадцать первого века, Майлз.

Я в отчаянье по определению.

Джон Фаулз. «Мантисса»

Почему-то мне вспоминается, что вначале я ее просто придумал. Образ получился такой: девочка-старшеклассница или вчерашняя школьница. Симпатичная, умная... Любимая.

Такая идея меня позабавила: особенно, если принять во внимание то обстоятельство, что я был женат и никоим образом не помышлял о разводе.

Как бы то ни было, обычно я влюблялся в девушек, а не в образ, хотя и бывало такое, что пытался их – реальных, уже существующих – под какой-то образ подгонять.

Впрочем, девушек, похожих на эту – воображаемую – вокруг было немало (внешне), но ни одна из них не соответ-

ствовала тому, что я внутренне подразумевал под *той самой* девушкой. Или я с такой уже был знаком, но не подозревал, что это ОНА? Как бы то ни было, идея в реальность воплощаться не собиралась, а время шло.

И было так до тех пор, пока я не попал один, без жены, на пьянку в общежитии журфака, где когда-то учился.

В коридорчике этого общежития я и встретил ее.

Как я понял, что это ОНА? Когда я это понял? Пик. Вершина. Слова бессмысленны.

Правда, есть *описание процесса*, но оно, к сожалению, не есть *процесс*.

Я. Я на пике. Я с легкостью могу *двигать горы, доставать звезды*. Я очень силен, я почти *всемогущ*. Я ни черта не боюсь. Я могу соблазнить *любую* женщину. Мне почему-то кажется, что окружающие *чувствуют* это. (А ОНА?) И Наташка – в первую очередь.

ОНА. Она – одна из знакомых Наташки. ОНА, минуту назад, одна из многих. ОНА, минуту назад, *рабочий материал моего самоутверждения*. Много ли это – минута? Ох, много!

Я до сих пор перед Наташкой в неоплатном долгу. Даже не потому, что она нас познакомила. А потому что возвела меня к тому моменту на пик.

Взгляд. Удар. Взрыв. Смерть. Рождение. Любовь.

В любой другой момент эта *адская смесь* закрыла бы мои уста, вызвав *онемение*. И дальше все было бы как в далеком детстве – взгляд украдкой, вздохи и тайные мечты. Марш-

рут – обязательно мимо ее дома. Все дела – *видеть ЕЕ* как можно чаще. Попытаться стать *достойным*.

Мне хватило *СИЛЫ* справиться с этим. Вот за что перед Наташкой я в долгу. Неоплатном.

Ее зовут Линочка. Пробую на язык это слово. ЛИ-НОЧКА. (НОЧКА!) Как сладко звучит!

В моей СИЛЕ моя слабость. Я *доверился СИЛЕ*. Я *победил* слабость. Я проиграл.

Я *видел* ее любовь. Я *видел* свою любовь.

В то, что я скажу сейчас, ВЫ не поверите. Я сам себе не верил. Очень долго. Но это – правда.

Я в тот момент *поверил* в то, что ОНА моя НАВСЕГДА, и что НИЧТО НЕ В СИЛАХ этого изменить. И, что самое интересное, я оказался почти прав. Но ПОЧТИ.

Я ЕЕ нашел, и я не прошел мимо. Я обладал СИЛОЙ не пройти мимо. Но именно эта СИЛА меня и обманула, заставив поверить в то, что это навсегда.

Я целовался с НЕЙ. Я спал с другими женщинами. Я грелся в лучах ее любви. Я прятал за СИЛУ свою любовь. И ВЕРИЛ, что ЕЕ ЛЮБОВЬ – это НАВСЕГДА. Я не шучу.

Волосы – вороново крыло, развеваются приспущенным стягом, спутанные. Платье, облепившее фигурку, кажется, не хочет ограничиваться только этим – вот-вот оно просто станет частью кожи или лопнет вместе с ней, когда девушка прыгает через три ступеньки. Карие глаза пытаются спрятаться за стеклышками очков, нежный овал лица с нежиз-

данно волевым подбородком с ямочкой, над верхней губой – легкий пушок волосков. Кожа с оттенком легкого загара, походка – иноходь, движения удивительно мягкие, голос не слишком высокий, но чистый. Фигурка тоненькая и хрупкая, веет чем-то восточным и пряным.

Увидев ее, я остановился и спросил:

– Тебе никто не говорил, что ты похожа на Нефертити?

Девушка подняла голову, откинув волосы со лба, и посмотрела на меня.

– Нет.

Ее взгляд неожиданно заставил что-то перевернуться во мне. Следующий вопрос соскользнул с моих губ, прежде чем я успел понять его смысл, прежде чем осознать его последствия. Прежде чем... Я спросил:

– Выйдешь за меня замуж?

Ответ был столь же молниеносен:

– Да.

Так нам случилось познакомиться.

Итак, ее звали Лина.

Лина – само предвкушение. Она умела ловить на лету свои мысли и увлекалась застывшим искусством – рисовала картинки акварелью и маслом. Иногда она записывала свои мысли.

Некоторое время мы переписывались по электронной почте. Например, я писал ей что-то про философию, потому что ей нужно было готовить реферат.

Получалось примерно так:

Платон

Когда я думаю о Платоне (читаю Платона), передо мной всегда возникает один и тот же вопрос: «А где собственно начинается этот самый Платон и заканчивается Сократ?». Ну, например, кто из них назвал человека двуногим существом без перьев?! Я даже пыталась создать методичку отличать одного от другого, примерно таким образом: что остаётся в голове от прочтения нескольких страниц Платона, то есть Сократа... Так что многое из того о чём мы сейчас будем говорить, скорее принадлежит Сократу, чем Платону (на мой взгляд).

Итак, знание. Классическое «я знаю, что ничего не знаю», подобно кругу начерченному на песке (внутри круга знание, вне его – незнание). Чем больше круг, тем больше незнание.

Мнение. Читаем Платона: «это ни знание, ни незнание. Оно нечто среднее». Мнения несут в себе восприятия изменчивого бытия. Но для Платона есть некое абсолютное знание (так же, как и абсолютное незнание), которое выше всех мнений, в котором и раскрывается подлинное бытие. По сути, это основа его философии.

Уразумение – знание, воспринятое разумом. Чувственное восприятие – то, с помощью чего знание доходит до нашего разума. А вот вопрос: тождественно ли знание ощущением? «Нет», – говорит нам Платон. Истинное знание, по Платону –

это то, что познаёт разум не столько благодаря чувствам, хотя и это тоже, сколько вне их, несмотря на них, что и отличает их (истинные знания), от того, что мы ощущаем зрением, слухом и т. д. (Душа ищет знание сама по себе).

Добродетель – категория скользкая, как змея. Думается мне, что то, что для Платона являлось добродетелью, совершенно не обязательно является таковым для меня (современного человека) ... По Платону знание – высшая добродетель. Для меня оно (знание), вполне может быть категорически не добродетелью (можно поворошить Историю, но не будем).

Пещера. Всё, что мы видим лишь тени, блики, идеи, обман зрения, самообман, несовершенство восприятия... За всё это спасибо Платону. Как всё было просто до него в моём сознании: вижу слона, значит слон; вижу стол, значит стол; вижу буквы на этом листе, значит буквы. Но за этими тенями есть истинное знание. Платон пообещал нам, что мы его обязательно увидим (познанием), уразумев его учение. Объективный идеализм основан на противопоставлении поустороннему, изменчивому миру природных вещей, потустороннего неизменного, вечного и неподвижного истинного бытия – мира духовных сущностей – идей.

Припоминание. А вот это идея классная! Оказывается, мы всё давно знаем, и задача Учителя заключается лишь в том, чтобы помочь это

припомнить.

И спрашивал: «Ну, как?»

Но в ответ получал совсем другое:

Привет. Привет, привет, привет. Как Ваши дела? Как Ваши родственники и друзья поживают? Как поживает кошка Ваша? Как Вы сами? Искренне надеюсь, что у Вас, у кошки, у друзей и у родственников всё ХОРОШО. У Меня тоже всё отлично: пью вот минералку, недавно пообедала, сдала очень сложный зачёт, по-моему, влюбилась, да! – вообще сдала уже все зачёты, теперь надо готовится к экзаменам. Предстоит сессия. Пишу Вам письмо ну: во-1-ых, потому что хочется написать Вам письмо; во-2-ых, хочется оттянуть начала занятия по математике; в-3-их, думаю о Вас, не имею возможность поговорить и поэтому общаюсь с Вами именно на таком уровне; в-4-ыхxxx, Я Вам ни разу не писала письма, как, впрочем, и Вы мне, а значит ни Я, ни Вы не общались на таком уровне друг с другом, всё равно это несколько иначе.

Интересно как Вы относитесь к HAPPY ENDAм?.. Вспомнила сон – Мне приснилось, что украли сумку, в которой лежал мой старый дневник. Дневник жизни и мыслей, который я вела около года. Я думала там (в дневнике) конец очень не американский, но... оказалось что не очень американский. Прошу учесть, что это не совсем я, не совсем сейчас, и сама ТОЛЬКО ЧТО решила посмотреть его конец. Отчасти время той жизни Я Вам рассказывала. Понимаете не важно,

что там написано, как написано, важно то, что Вы можете это прочесть.

Цитирую: «Я просто хочу любить по-настоящему, хоть немного. Как это чаще всего бывает в рассказах, поэмах – трагично! Но я считаю, что умереть за Любовь прекрасно – ведь она есть, это Божий дар – ты был избран, ты заслужил, ты сумел испытать Любовь, настоящую Любовь – ту на которой держится мир – умереть, но Любить, ведь она этого стоит.

Восприняв это, как «нормально, валяй дальше», я вздохнул и сел писать:

Аристотель

А ведь не случайно слыл снобом и недолюбливал своего учителя, Платона. В историю вошёл как более добросовестный, академичный. Ещё, если бы он донёс до нас вместо добросовестного описания сотни лягушек, столь же добросовестное описание сути одного единственного своего ученика, по имени Александр, то цены ему бы не было...

Опыт. «Долой идеологию Платона, исходим из опыта!». Однако, исходя из него, возвращаемся снова к отвлечённому знанию. Не находить здесь противоречий – в этом весь он, Аристотель. Он доказывает нам, что признание неизменных сверхчувственных сущностей не может объяснить нам причин возникновения, изменения сверхчувственных вещей. Говорить об этом и этими словами – это

уже искусство! Он – создатель логики, в которой он стремился не отделить, а соединить форму мышления с бытием, объяснить логические категории в соответствии с объективной реальностью. Логика и есть критерий высшего знания, в том числе философского, даже в первую очередь философского! Истина и ложь различаются именно логическим путём. И это от него, возможно, мы начали делить мир на чёрное и белое, добро и зло, Бога и Дьявола и пр.

И в скорости получал радостное:

Съела АПЕЛЬСИН. Пью минералку. На компьютере 15:46. За окном солнце. Кресло скрипит. На штанах красный ремень. Брат нуждается в реабилитации для восстановления мозгов на место. «Даун Хаус» – фильм Ивана Охлобыстина – отдыхает на компьютерном столе. Надо отдать.

Да здравствует день НЕ КУРЕНЬЯ ТАБАКА. Да продолжится он ещё лет ...дцать. четырнадЦАТЬ, тридЦАТЬ, сорок семьдЦАТЬ...

Так продолжалось довольно долго.

– Она совсем еще ребенок, – говорила ее мама своей подруге, – ей всего семнадцать.

На что та укоризненно качала головой с тяжелыми медными кудряшками (новая мода) и говорила всегда одно и то же:

– Для развития это, конечно, замечательно, но очень уж примитивно. Всем известно, что искусство должно затраги-

вать все органы чувств, не акцентируясь ни на каком одном. Неужели философия может прокормить?

Между тем Лина, вместо того, чтобы жить у мамы, жила в общежитии у подруг, при большом отсутствии денег прибегала обедать (или ужинать) домой и чувствовала себя прекрасно.

Вряд ли придирчивый взгляд выделил бы эту девушку из толпы. Произвести впечатление на собеседника она могла, пожалуй, лишь в личной беседе, благодаря незаурядной своей фантазии и нетрадиционным взглядам на многие вещи. Но не более того.

Однако кое-что особенное, наверное, все же можно было заметить в мелочах. Судьба всегда хранила ее от крупных увечий и серьезных болезней. Науки ей давались необычайно легко. Животные ее любили, а цыганки-гадалки, как самые чувствительные индикаторы душ человеческих, в толпе обходили ее стороной.

В детстве она была очень маленькой, но подвижной и ловкой, потом же заметно отставала в физическом развитии от своих сверстниц, чтобы расцвести только к совершеннолетию.

Все говорило за то, что она влюблена в меня, но я... Я испугался! Поэтому наше первое увлечение друг другом длилось недолго, всего несколько месяцев.

А потом расстались. На три года.

СЛЕПЕЦ. Я три года жил без нее. И три года знал, что она любит меня. Через эти три (!) года я думал, что она девственна, и я буду ее первым мужчиной. Какие шутки может выкидывать СИЛА! Сейчас я думаю, что такой САМОНАДЕЯННЫЙ ПЕТУХ, как я, обязательно должен был ЕЕ ПОТЕРЯТЬ. Но я ВЕРИЛ, что это не так, а ВЕРА – это тоже СИЛА.

И – представьте – я почти не ошибся. Через три года я не стал ЕЕ первым мужчиной, но я стал ЕЕ мужчиной. Но... я подошел к ней так же, как ко всем своим ПРОЧИМ женщинам, уверяя себя, что ОНА – опять одна из многих, что для меня жена, как и раньше, *берег и пристань*.

Я захлебнулся. Я *почувствовал* разницу между сексом и любовью. Мой разум сопротивлялся, загоняя в угол *любовь*, все еще не веря в *саму возможность невозможного*. Надо признать – он стоял *до последнего*. Как затор льда в бурной горной реке. А когда затор прорвало...

Омут. Бездна. Безумие. Любовь.

ОНА – мое свободное время.

ОНА – стремление моих помыслов.

ОНА – вместилище самых дерзких моих мыслей.

ОНА – мое утро.

ОНА – мой свет.

ОНА – моя любовь.

ОНА – все.

Откуда взялась прагматичность? Откуда взялся разум?

Из той же самой уверенности, что это НАВСЕГДА.

Что самое интересное, все это почти не сказалось на моих отношениях с женой, потому что они НЕ СОПРИКАСАЛИСЬ. Но опять это «почти». Потому что СПАТЬ с ней я уже не мог, оставаясь *в норме* во всем остальном, за исключением *полного отсутствия* свободного времени. Я жил только рядом с НЕЙ, *коротая время* между этими визитами.

А ОНА? Она *приняла* эту ситуацию. Потому что *любила меня, потому что жила мной*. И это ПРАВДА. И я *уверился*, что это НАВСЕГДА.

И это была ЛЮБОВЬ. И мы купались в ней безопасно.

Мы встретились вновь случайно, и увлечение перешло в роман, где Лина выступала в роли любовницы.

Были встречи. Поцелуи и шампанское в два часа ночи. Любовь и ревность. Встречи и расставания.

Я часто уходил, но всегда возвращался. Она занимала все мое свободное время. Впрочем, нет, не так: все, чем я занимался теперь в жизни, я делал в свободное время, а все остальное проводил с ней.

«Ты с ней счастлив?», – как-то спросил меня один из друзей.

«Она всегда рада мне», – ответил я.

Мы с ней поняли, что созданы друг для друга, но долгое время обстоятельства были выше нас – я, всегда превыше всего ценивший свободу, на этот раз спасовал и был очень

долго зависим – как от жены, жизнь с которой давно вошла в привычку, так и от своего окружения.

Кто из НАС захотел БОЛЬШЕГО? Тогда мне казалось, что ОНА этого хотела ВСЕГДА. И я.

И было СЧАСТЬЕ. НАСТОЯЩЕЕ. И было это тогда, когда я, собрав немного вещей и оставив записку, УШЕЛ ОТ ЖЕНЫ. Нет, неправда, не так. Я привел ЕЕ домой, и она помогала собирать мне эти вещи, а потом мы *летели* к ней. И это и было – СЧАСТЬЕ И СВОБОДА.

Я ушел к ней.

А потом была ВОЙНА. Беспощадная. Те, кто *учил* меня преодолевать все, *учил* и мою жену. Мы оказались достойными противниками.

Первый ее удар был неотразим. Смерть лучшего друга – известие, придержанное до нужного момента.

Боль. Ярость. Вина. Тьма. Слезы.

Все остальное забыто. На мгновенье. Но этого достаточно, чтобы снова вызвать *жалость*.

Я – зверь в клетке.

Я *мечусь* между двумя женщинами.

Я слаб. Где моя СИЛА?

Я... я все еще верю в НАВСЕГДА.

Я пробую примирить их друг с другом...

Я пробую...

Я ошибаюсь!

Ситуация оказалась банальной – о том, что я «гуляю на стороне», знали большинство наших друзей, практически все, – кроме, собственно, жены. Впрочем, и от нее я не очень-то сильно это скрывал. Просто она не хотела об этом знать. Узнала в итоге лично от меня – тогда, когда я заявил, что ухожу. И ушел, с небольшим рюкзаком самых необходимых вещей, оставив практически все ей. Ее эта ситуация ввергла в настоящий шок – она, как женщина практичная, все спланировала на много лет вперед: когда рожать ребенка, когда второго... И тут – такое... После моего ухода она металась между ожиданием того, что я скоро вернусь (формально не разведены, все мои вещи – у нее) и вспышками ненависти к «изменщику» и, конечно, к сопернице.

И я возвращаюсь... назад, к жене, испугавшись ее войны. Я хочу расстаться с ней, но сделать это МИРНО. Глупец!

– Расстанемся на месяц, – говорю я Линочке. – Потом встретимся и все решим. Кардинально.

Я *уверен* в ее выборе. Я *уверен* в своем выборе. Я просто хочу подарить *отсрочку* жене, думая, что это ей очень нужно.

Жалость.

И вдруг. Вдруг я понимаю, что НАВСЕГДА кончилось. Что ВСЕ кончилось. Что я предал свою сказку. Что больше ничего не будет. НИ-КОГ-ДА!

Я поверил. Я *успокоился*. Я в борьбе за НЕЕ забыл о НЕЙ, увлекшись этой борьбой. Я снова начал верить в НАВСЕ-

ГДА. ЧЕРТОВА САМОУВЕРЕННОСТЬ.

Я был уверен, как когда-то. Я ошибся.

Отчаянье. Самобичевание. Тоска. Боль. Холод. Надежда.

Я иду на все. Я иду ва-банк. Я иду на ВОЙНУ.

Я иду к ней, но вижу пепелище. Поздно, дружок.

Я плачу на этом пепелище.

Поэтому, когда я, наконец, решаюсь уйти от жены окончательно, отношений с Линой уже нет. Они *за гранью*.

Поэтому от жены я ушел не к ней, а... в никуда. И начал жить самостоятельной жизнью.

Сам же уход сопровождался настолько бурным скандалом и ненавистью к сопернице со стороны жены, что мне просто пришлось остаться одному не только из-за того, что она не хочет видеть меня, но и от страха *за нее* – моя жена ее могла просто убить.

Но с годами выяснилось, что тот скандал имел локальный временный характер – со временем отношения с бывшей женой стали мирными и цивилизованными, даже дружескими. Но жил я по-прежнему один и с Линой не общался.

Разбитые надежды

Она не вышла замуж! У нее нет любовника!
ОНА ЖДАЛА МЕНЯ!

Чувства захлестывают. Я не знаю, как писать об этом.

Мы стали жить вместе.

Я чувствую, что это не любовь. Это – пепел любви.

Что делать? Я в отчаянье.

Я получил новую работу – редактором небольшой газеты.

Лину устроил к себе верстальщицей. Правильное ли это было решение?..

В тот момент, когда я покрывал мелкими поцелуями ее лоб, совершенно неожиданно пришла мысль, что звук, издаваемый при этом моими губами, – не что иное, как щелчки, издаваемые мышью, когда на нее давит указательный палец.

«Это моя любовь подходит к концу», – подумал я. И, так как всегда считал себя человеком действия, то решил бороться за свою любовь.

Действия, предпринятые мной, были беспрецедентны. В первую очередь я решил, что любви нужно не дать шанса уйти: я отсоединил принтер и унес его на кухню, отсоединил от системного блока кабель Интернета, выкрутил дисковод.

Но этого мне показалось мало, и я решил не останавливаться на достигнутом: нашел в кладовке мешок цемента, в большой кастрюле приготовил смесь и, сняв крышку, залил ее в потроха своей машины. Так, чтобы жесткий диск нельзя было вытащить. Только после этого, немного успокоившись, удалил все программы, оставив лишь текстовый редактор. В нем я удалил все файлы, почистил корзину и лишь после этого создал один новый файл: «Любовь.doc». Немно-

го успокоился и тут же заснул.

Так я начал писать роман о любви.

Кажется, впервые в жизни со мной происходят только хорошие вещи. Впервые мне предложили работу по душе – дайте только развернуться! Я уже с блеском прошел «испытательный срок» и активно «пробиваю» в помещение редакции по-настоящему хороший компьютер, отдельный телефон, шкафы, шторы... Впервые я *открыто* общаюсь со своей *любимой* и весьма доволен тем, как она начала работать под моим началом. Я пишу много статей и (когда только успеваю?) уже дописываю последние строчки своего первого *настоящего романа*.

– Значит так: первую из них зовут *Матильда*, – Линочка смотрела лукаво. – Это тебе здорово повезло, что она проявляется чаще остальных, потому что именно она говорит тебе «Люблю, сю-сю» и все такое прочее. Она – лентяйка и неряха, конечно, но зато очень добрая.

– А как зовут ту, которая устраивает ссоры?

Я смотрел на нее насмешливо, стараясь подыграть этой очередной шутке.

– О, это страшная личность! – Линочка постаралась придать своему лицу серьезное выражение. – Мало того, что это редкостная стерва, так ей ко всему прочему доставляет удовольствие унижать других людей (тебя в частности!), делать

им всевозможные гадости и все такое прочее. Ее зовут *Кларисса*.

– Это все?

– Нет, конечно. Опять ты меня недооцениваешь! Третью зовут *Джейн*. Это та, которая работает – например, может сутки просидеть за компьютером, занимаясь версткой твоей дурацкой газеты...

– Ну, во-первых, не только моей...

– Не перебивай, а то срочно стану *Клариссой*! Есть еще последняя, четвертая. Это та, которая все бросает и начинает заниматься уборкой в доме. К счастью, эта дура появляется настолько редко, что у нее даже нет имени...

– Так значит, – я подхватил ее на руки и закружил, – ты едина в четырех лицах?

– Именно так! – Линочка обхватила руками мою шею, с шумом повалила меня на диван и, оседлав, сделала страшное лицо. – Разве ты чем-то недоволен?

– Совсем наоборот! – я попытался опрокинуть ее на спину, но бесполезно. – *Джейн*, лапушка, нам пора на работу, не забывай, что в шесть у тебя сегодня курсы!

– Смотри, если ты всегда будешь так спешить, я заведу себе любовника из тех, которые никуда не торопятся!

– Ой ли?

Я засмеялся беззаботно. Впервые за много лет я подумал, что счастлив. Ну... почти.

И ошибся.

В этот день я заканчивал первую черновую правку своего детища и решил, во что бы то ни стало, *сегодня* распечатать на принтере первый его вариант.

Сегодня мы с Линочкой занимались любовью перед тем, как пойти на работу, и пришли туда довольно поздно. Я почти совсем забросил редакционные дела и посадил Линочку и подошедшего Ваню (моего внештатника) макетировать обложку романа из давно приготовленных картинок.

Когда я увидел Линочку и Ваню, склонившимися к монитору, мне вдруг непреодолимо захотелось обнять ее сзади за плечи, уткнуться лицом в ее волосы... Но я сдержался – с самого начала мы договорились не афишировать в редакции свои отношения, чтобы не привносить *личный план* в работу. Вместо этого я принялся в очередной раз перечитывать распечатки, которые делались по мере написания романа...

Линочке подходило время идти на курсы английского языка, которые она, по настоянию своего папы, посещала три раза в неделю. В такие дни она уходила из редакции немного раньше обычного. Взглянув на часы, я осторожно напомнил ей о курсах, но она отмахнулась:

– Твоей же обложкой занимаемся!

А чуть позже добавила:

– Вообще окончание первого романа стоит отметить – такое бывает раз в жизни!

Я поморщился: «Приятно, конечно, что обо мне так пе-

кутся, но...». А вслух сказал:

– Буду отмечать, только когда закончу – лазерный принтер удалось выпросить только на сегодня, а у меня после того, как вы закончите обложку, еще правки часа на два.

– Но именно сегодня на вахте дежурят наши друзья, да и я курсы все равно пропускаю, – стояла на своем Линочка.

– Тогда начинайте без меня, когда закончите с обложкой. Денег на спиртное я дам, конечно... Присоединюсь как только закончу. Хорошо?

– Ура! – закричали они в голос вместе с Ваней.

А я подумал, что это даже хорошо – они уйдут пить за мой роман на вахту, что находится всего двумя этажами ниже. Что ж, пусть выпьют – это делу не помешает, а мне удастся спокойно, в одиночестве выправить и распечатать текст. А потом и выпить не грех.

С обложкой они возились долго, зато получился довольно интересный коллаж. Я за это время выправил на бумаге свое произведение – осталось только внести изменения в файле и распечатать. Заварил свежий кофе и с удовольствием принялся за работу.

Время летело незаметно. Время от времени снизу раздавались телефонные звонки, где все более нетрезвые голоса спрашивали то: «Когда соизволит спуститься гражданин писатель?», то: «Где наш именинник?». На что я отвечал лаконично: «Закончу – спущусь».

...Закончил я только к одиннадцати вечера, зато спустил-

ся гордый, с только что отпечатанной объемной пачкой бумаги и коллажем на первой странице.

– Осталось только сшить – и готово.

В моем усталом голосе звучала удовлетворенность.

Над этим романом я работал с переменным успехом уже больше года, и только последний месяц роман «полетел» к концу на крыльях. И вот – наконец – все.

– Пойдем, Ваня, возьмем еще бутылочку. Грех мне сегодня от вас отставать, – добавил я, нашаривая в кармане оставшиеся купюры.

Но неожиданно вмешалась Линочка:

– Сходи с Максимом. Что тебе обязательно Ваня? Мы тут беседуем. – В ее голосе слышались пьяные нотки. Мне никогда не нравилось, когда она «выпивала лишнее», и я нахмурился. Но – тут я не дома: выговор не сделаешь. Да и что, собственно, такого?

К счастью, Ваня сам вызвался идти, и мы быстро сбегали к ближайшему ночному киоску, вернувшись с парой бутылок молдавского кагора, который давно предпочитали прочим дешевым винам.

Охранники – Максим и Александр Борисович – тут же усадили меня за небольшой столик в их «охранной будке». Все подняли «бокалы» за «будущего великого писателя», потом за роман, потом... Вскоре Линочка поднялась, попросившись в туалет, я поднялся было с ней, но она остановила меня взглядом: «Не нужно со мной ходить». Вскоре под-

нялся Ваня и отправился в ту же сторону. Тосты продолжались уже втроем – Александр Борисович показывал фокусы: «Спорим, сигарету узлом завяжу, потом развяжу и закурю...». У меня же на душе почему-то кошки скребли. Потом я, вспоминая этот вечер, понял, что ходили они «в туалет» около часа. Но тогда я на это не обратил внимания.

Расходились уже поздно. До двухкомнатной квартиры, где мы жили с Линой, было рукой подать – пятнадцать минут ходу. Ваня жил далеко, а денег на такси, конечно же, не было – на пачку сигарет бы насобирать в складчину... Однако на бутылку водки деньги почему-то нашлись.

Гость в доме – все внимание ему. Как закон. Поэтому быстренько приготовили бутерброды, разлили по рюмкам водку, включили на «видике» хороший фильм. Устроились втроем на диване.

Когда бутылка почти опустела, меня стало непреодолимо клонить в сон. Я пытался как-то встряхнуться, даже умылся холодной водой – ничего не помогало. Тогда я с трудом доплелся до спальни и повалился на кровать.

ОНА подходит к двери и плотно прикрывает ее – последняя вспышка-воспоминание.

Утром я проснулся на кровати один. С трудом поднялся и заглянул в соседнюю комнату. Там, мирно посапывая, в обнимку спала парочка.

Я долго смотрел на них, соображая: «Бить морду? Глупо.

Разбудить? Не лучше!».

Так ничего и не придумав, я неслышно оделся, вышел из квартиры и пошел привычной дорогой на работу. В редакции сел в одиночестве, задумавшись.

Из этого состояния меня вывел телефонный звонок. Звонила мама – дома умерла от болезни подруга детства и одноклассница.

Решился – чиркнул записку. Оставил ее в редакции и поспешил на ближайший рейсовый автобус.

Вернулся я домой вечером в понедельник, мрачный, но решительный. Последние дни я не мог ни о чем думать, кроме предстоящего разговора с Линочкой.

Я пришел в пустую квартиру и ходил из комнаты в комнату, как зверь по клетке. «Ярость – плохой советчик», – говорил я себе, пытаясь объять в единое целое свои желания – мне хотелось, несомненно, помириться с Линочкой (а разве мы ссорились?), хотелось как-нибудь *наказать* ее, заставить понять, что поступила она неправильно, заставила страдать близкого человека.

Когда она зашла, я сразу понял, что это *Кларисса*, и что легко и гладко разговор не пойдет.

Так и вышло. Первым делом она упрекнула меня в неожиданном исчезновении (записку она прочитала только в понедельник, утром). Я попытался возразить, но лавина упреков росла, и вся история с Ваней была погребена этой лавиной.

В общем, все вылилось в *отвратительно-грязный* скандал. Я едва удержался от того, чтобы не залепить ей пощечину...

И тут в гости пришел Ваня, а я в бессильной ярости заперся в своей комнате. Через дверь мне были слышны их разговоры. Больше всего мне хотелось выйти и вышвырнуть его вон, я еле сдерживал себя.

Он ушел сам. Ушел поздно. И примирения снова не получилось, и снова был скандал. И снова – запертые двери.

Ночью я, тихо, как вор, прокрался в ее комнату. С нежностью гладил ее обнаженные плечи, чувствуя, что сейчас у меня есть шанс. Проснувшись, она посмотрела на меня, и это были глаза *Матильды*. Ее руки обвили мою шею, и долгожданное примирение состоялось. Заснули в объятиях.

Я проснулся первым, с ощущением *хрупкости* своего счастья. Мир вокруг казался мне натянутой струной, готовой лопнуть от малейшего прикосновения. Прошептал еще спящей Линочке: «Я люблю тебя», поцеловал ее в теплую щеку и выскользнул из постели.

Несмотря на внутреннее напряжение, настроение у меня было приподнятое. Умывшись, я вышел из дома в ближайший магазин за продуктами. Подумав, к обычному набору продуктов прибавил фрукты и букетик цветов. А когда вернулся – застал проснувшуюся уже Линочку, которая пила на кухне кофе в компании... Вани.

Я чертыхнулся про себя и едва не выронил из рук сумку

с продуктами. Все только начиналось.

Ваня, к счастью, забежал ненадолго. Его отношения со мной всегда были *легкими*, и на этот раз мы поболтали почти непринужденно, а когда тот собрался уходить, я напросился его проводить – нам было по пути. На улице я повел разговор в открытую:

– Ваня, я хочу, чтобы ты не приходил к нам в гости какое-то время.

– Хорошо. Конечно, – ответил тот весело. – Я все понимаю.

И пришел снова – в тот же вечер.

– Если он не уйдет, мне придется его выкинуть, – мой свистящий шепот Линочке в ухо.

– Не надо, пожалуйста. Я... я попробую сама.

Она заперлась с ним на кухне, и вскоре он ушел. Воцарилась напряженное молчание. Я подошел и попытался обнять ее, но она неожиданно отстранилась.

– Он больше не придет.

В ее глазах сверкнули слезы.

– Ты жалеешь об этом?

– Знаешь – да. Я действительно очень увлеклась им. А ты... ты заставил меня выгнать его!

– Я...

– Молчи, пожалуйста – молчи! Мне нужно... Слушай, тебе уже дали комнату в общежитии?

– Завтра должны дать ключи.

– Давай поживем недельку раздельно, а? Я чувствую – мне это очень нужно.

Повеяло холодком, словно погасло что-то теплое.

– Хорошо. Неделю я выдержу.

Но выдержал я только три дня. Был выходной, и я решил зайти вечером в свой рабочий кабинет. Там лежала записка.

Витя!

Я принесла тебе зимнюю куртку и шапку. Если тебе еще что-то надо, напиши записку. На курсах с телефоном у меня теперь проблемы, так что позвонить не обещаю. Домой ко мне без меня не ломись – я поставила замок на внутреннюю дверь. Если хочешь что-то забрать – договаривайся со мной – сходим вместе.

P.S. Звонил Петров, предлагал тебе вторую работу. Просил перезвонить!

У меня все внутри оборвалось.

«Кончено. Неужели ВСЕ КОНЧЕНО?»

Уже почти не контролируя себя, я рванул к ней домой.

– Я не хочу тебя видеть. – Голос из-за двери.

– Открой, пожалуйста, мне нужно с тобой поговорить.

– Нет, уходи.

– ОН здесь?

– Нет. Неважно. Я не хочу тебя видеть. Ни-ког-да! Вещи

принесу тебе на работу.

Уже не задумываясь больше ни о чем, я открыл своим ключом железную дверь и уперся во вторую – деревянную, ключа от которой у меня не было.

– Лина, открой, пожалуйста, всего несколько слов!

– Нет, уходи!

Я ударил в дверь плечом, затем ногой.

«Если он там, я его убью!», – такая мысль засела в мозгу.

Дверь начала понемногу подаваться, и я яростно бил по ней ботинком, еще и еще. Наконец, она открылась, и я, взъерошенный и запыхавшийся, весь в мелких щепках, ворвался в квартиру.

Ваня был там. Он ужом проскользнул мимо меня и выбежал в подъезд. Я бросился было за ним, но что-то меня остановило.

– Нет! – Глаза Линочки сверкали, как у львицы. – Не трогай его!

Я замешкался, и время было упущено. Я растерялся, не зная как себя теперь вести.

– Собирай свои вещи и уходи. Между нами все кончено.

Я молча закрыл входную дверь, которая осталась целой, не раздеваясь, прошел на кухню и нервно закурил. Линочка заперлась в своей комнате. Было слышно, что она плачет.

Плач

Постой, не уходи.

Мы ждали лета – пришла зима.

Виктор Цой

*Мой город пуст уже давно,
Остались храмы и витрины.
Полуистлевшие картины,
Полуиститое вино.
Мой город пуст уже давно.*

Дмитрий Лысенко

Перечитывая в сотый раз записку, я сидел в пустом редакционном кабинете и писал:

«Милая, господи, „если тебе еще что-то надо!“. Да ты мне ВСЯ нужна, я жить без тебя не могу. Я просто тебя люблю. Видимо, безнадежно. Все уже безнадежно».

Страх. Мусор в голове.

Магнитофон, «видик» – вещи ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННЫЕ, а радио порождает шум, мусор, как и постоянно включенный телевизор. Зато заглушает страх. Дает иллюзию надежды и какое-то подобие «сладенькой водички», избавляющей от скуки.

В убогой каморке, где я уже несколько дней работал сторожем (СУТКИ ЧЕРЕЗ ДВОЕ решил совмещать с работой в редакции, чтобы увеличить семейный бюджет) *радио* преследовало меня постоянно. Жвачка для мозгов, как когда-то для моего деда книги (*он их глотал целыми стопками без всякого видимого эффекта, я ни разу от него не слышал, чтобы он хотя бы пытался рассуждать хоть об одной из них*). А выключить страшно.

Тишина. Шорохи. Мысли.

Страх.

Я боюсь оставаться наедине с самим собой, и это я понял именно в «сторожевой каморке», работая без напарника. Начинаешь копаться в самом себе – и вдруг чувствуешь, что наружу вылезает что-то ЧУЖОЕ.

Меня мучают приступы любви.

От + до —

+: Радуюсь самой малости. Расцветаю. Живу. Таю. Дышу. Греюсь в солнечных зайчиках.

- : Умираю – то ванна, алая от крови, то петля, то прыжок в последней попытке взлететь.

Середины нет, середины быть не может.

НИ-КОГ-ДА

Накрутка резьбы

А ведь были! Были «звоночки» и раньше!!!

Первого «звоночка» звали Борис. Повод для ревности. Повод для смеха над ревностью.

Поэт. Этим все сказано.

Почему этот «*звоночек*» не загудел у меня внутри набатом?

Все просто. Просто была РАБОТА. Просто были ПРОБЛЕМЫ. Просто был РОМАН. Мое первое детище. Неуклюжее, немного уродливое, как сам я. И – любимое. Я за ним спрятался от всего. Я блуждал в его лабиринте...

А потом, вместе с РОМАНОМ, появился он.

Пишу – и плакать хочется. Ведь если ОНА – главная героиня, то ОН – главный герой. А я? Хм, как это у Булгакова? «Деталь в романе».

Даже здесь не могу не унижить себя.

Противно. Страшно. Очень страшно. Люблю.

Спираль

Молод, я бы даже сказал юн. Красив. И знает об этом. Имя – Ваня.

Дальше в описании пусто. Наверное, я не пришел к какому-то определенному мнению. С другой стороны – это, может быть, и не нужно.

Он родился одновременно с романом. (И если бы я знал, что вместе с ним и «умрет», то сжег бы роман немедленно!). Он родился в НЕЙ. И это – самое страшное.

Я писал роман. Я жил им, я им дышал. Я очнулся от него, и первое, что я увидел – моя любимая, спящая в объятиях другого. Банально. Но от этого не менее ужасно. Иногда я думаю, что я его создал *сам*, своими руками.

Так ли это? Кто знает...

Но идем дальше, смелее за мной!

Уровень чувств

*И первое, что я увидел – моя любимая, спящая
в объятиях другого.*

Сергей Лукьяненко

Первое желание – набить морду, выставить – я подавил усилием воли, зная на практике, что этим делу не поможешь. Я вспомнил прошедшую ночь.

Роман. Водка. Увлечение Линочки Ваней. Без пределов. Принятие этого мной (ну, какой он мне соперник!). Я оставил их одних в комнате. Я ушел спать.

ОНА подходит к моей двери и плотно прикрывает ее – последняя вспышка-воспоминание. Проза утра.

Я уйду. Я исчезаю. Я уезжаю далеко. Я не хочу ЭТО видеть. Я хочу вернуться и увидеть, ЧТО ВСЕ ВСТАЛО НА СВОИ МЕСТА.

ЭТОГО НЕ ПРОИСХОДИТ. Я СНОВА ВОЗВРАЩАЮСЬ НА ПЕПЕЛИЩЕ

Ужас. Пустота. Полное бессилие.

Я могу что-то сделать с НИМ, но не с НЕЙ!

Я люблю. Я ненавижу. Я в отчаянье. Я в бешенстве.

Я забываю обо ВСЕМ. Все мои проблемы кажутся мелкими и не стоящими внимания, кроме ЭТОЙ – главной.

Она хочет, чтобы я ушел. Совсем ушел.

Я не могу этого сделать. Я не верю в то, что ОНА действительно этого хочет.

Я плачу. Я в отчаянье. Я люблю. Я страдаю.

Я то ненавижу ЕГО, то – вдруг! – надеюсь, что он меня поймет.

И неожиданно понимаю, что он сильнее. В любой позиции, но не потому что он сильнее меня, а потому что ОНА выбирает его во всех ситуациях, когда мы втроем.

Я беснуюсь, я срываюсь на истерики. Я все делаю поразительно неправильно. Я впервые в жизни задумываюсь о самоубийстве.

Я очень хочу, чтобы ОНА оставалась со мной.
Больно. Слезы.

Уровень разума

Я разбился на части. На кусочки. На обломки.

Цельной картины нет.

Буду собирать.

Эмоции – к черту. Сейчас не об этом. Сейчас только о разуме.

Действия.

Первое – уехать, может быть, она одумается и все кончится, как дурной сон.

НЕТ, не получилось. Может быть, я сделал даже хуже. Пока меня не было, он занимал мое место. И не страшно, что в кровати – в душе.

Меня выгоняют, от меня хотят избавиться. Мне *предпочитают кого-то другого*.

Но *на уровне разума* я могу бороться. До конца, до последнего. Я могу *считать* ситуацию. Любую. Меня этому учили. Я хочу быть с НЕЙ. Любой ценой. Я не думаю о завтрашнем дне. Я вытаскиваю всегда *конкретную* ситуацию. Я пытаюсь говорить с НЕЙ языком разума. Я выигрываю стычки.

Вообще-то изначально Ване здорово повезло – мне он очень напоминает МЕНЯ в его возрасте (мы с ним одного и того же знака Зодиака), и из-за этого я никак не могу начать относиться к нему хотя бы как к противнику. Как-то в голове не укладывается.

Все это множится и нарастает с каждым днем как снежная лавина. И мне то кажется, что я ЭТО просто все себе напридумывал, то я предполагаю самое НЕВООБРАЗИМОЕ, то есть то, чего я не знаю и поэтому опасюсь – МАГИИ. Я четко представил себе его с кем-то колдующим над Линочкиной (и моей?) фигуркой из воска с приклеенными к ней ЕЕ волосами (это хотя бы объясняет то, почему Линочка, НЕ ЗАМЕЧАВШАЯ его целый год (!) вдруг при одном его виде совершенно теряет голову, а я (профессионал хренов!) НИЧЕГО не могу с ним сделать. А когда ОН рассказал мне, что был (или есть?) в секте САТАНИСТОВ, воображение додумало остальное. Тем более, что знакомый биоэнергет подтвердил «сглаз» Линочки. Правда ли это?

Не знаю. Не уверен.

Однако вполне могу предположить, что он (как и большинство из нас) не тот, за кого себя выдает, хотя бы потому, с какой ловкостью, нарушив клятву, «ушел» от разговора.

Может быть, прав биоэнергет, говоря, что ЗА НИМ КТО-ТО стоит?

Хоть режьте меня, не может быть столько СОВПАДЕНИЙ, что-то тут нечисто.

Что это? Неужели сюжет для нового романа? Слишком близко мне все это, слишком дорого обходится «материал». И конца я не знаю, и даже ГЛАВНОГО ГЕРОЯ.

Есть только простые истины: я люблю, я хочу быть любимым. Я хочу защитить ЕЕ (и себя?) от надвигающейся угрозы.

Как?

Кто может мне в этом помочь?

Что делать?

Если бы я знал – то не писал бы это, а может быть, писал бы иначе.

Трудно спуститься с пьедестала Создателя романа и увидеть, что в жизни ты всего лишь простой смертный, увидеть «любимую, спящую в объятиях другого».

Финал

Получил от Лины записку с условиями, на которые я должен пойти, если хочу остаться с ней.

Это «то, чего я не должен делать»:

- Шоу с самоубийством;
- Вламывание в зал (комнату) без разрешения;
- «Постройка» любовников;
- Привод посторонних людей без разрешения;
- Ломание чего-либо в квартире специально;

- Невыпускание из квартиры;
- Хватание руками и ногами;
- Падеж на колени;
- Нытье по поводу чувства любви ко мне (о моей любви к тебе без разрешения);
- Отказ от работы по хозяйству (по просьбе);
- Физическое насилие;
- Грубое обращение с гостями в квартире;
- Жалобы на ситуацию посторонним людям (родителям);
- Распивание спиртных напитков в квартире без разрешения;
- Побудка по утрам без предварительной договоренности;
- Возвращение в квартиру сразу после ночного дежурства (по договоренности);
- Неоплата коммунальных услуг (по просьбе, в течение 3-х дней), при наличии денег;
- Избиение (физическое и психическое) подозреваемых в любовной связи на всей территории земного шара.

Я остался у разбитого корыта.

Кажется, пришло время начать новую жизнь.

Глава 2. Желание изменить жизнь

Когда готовишься к тому, чтобы коренным образом поменять свою жизнь, нужно первым делом устроить инвентаризацию прежней жизни. Эта инвентаризация нужна для того, чтобы понять, что из прошлого тебе пригодится, а что – ненужный мусор. Однако, прежде всего, нужно понять, чего ты хочешь от этой – новой – жизни, чему хочешь ее посвятить?

От выбора цели зависит очень многое. Например: если ты решил стать культуристом, нужно отказаться от вредных привычек, записаться в спортзал, чтобы иметь доступ к «железу», пересмотреть рацион питания и режим дня, завести нужные знакомства... Так же – с любым другим выбором.

Это самая сложная вещь на свете. Очень простой пример: Джеймс Бонд – известный супергерой – прекрасно принимал сиюминутные решения, которые позволяли ему выживать и выходить победителем из самых безнадежных ситуаций. Но при этом задания ему давал мистер М., без них он хирел, размягчался и не знал, куда себя девать.

Если внимательно посмотреть на структуру общества, можно легко заметить, что большинству людей подобные решения и вовсе принимать не приходится. В детстве за них решения принимают родители, учителя, друзья из компании. Позже – преподаватели, работодатели, жены (мужья),

члены диссертационного совета, начальники, коллеги, психиатры, друзья, любовницы... Список бесконечен.

Я отнюдь не исключение. До того момента, как я принял решение поменять свою жизнь, так все и было: родительский дом, потом школа плюс родительский дом, плюс улица. Друзья. Потом поступление в вуз и отчисление из него в начале второго курса. Потом работа – та, что не нравилась. Потом снова вуз (не тот, что хотелось, а тот, куда смог поступить). Общежитие, друзья, любовницы. Потом работа, начальник... Снова друзья. Книги, фильмы, музыка, телевизор. Хобби (спортивный туризм, путешествия автостопом), жена, потом развод, новая работа... Незаметно с момента окончания школы прошло около 10 лет.

Нет, нельзя сказать, что они прошли впустую или совсем уж бесполезно. У меня натура непоседливая и – не в пример многим – я всегда умел разнообразить свою жизнь, в какой-то мере даже превращать ее в приключения – отдельные случаи можно было бы даже смело использовать для приключенческого (или детективного) романа. С той лишь разницей, что роман логичен – имеет начало и конец, имеет завязку и развязку. Кульминацию. Ниточки там связываются в картинку. В жизни все не так: истории или длятся так долго, что уже теряешь начало, либо (что чаще) вовсе не связываются никакими ниточками: то, что, казалось бы, должно иметь продолжение, обрывается, едва начавшись, ружье, появившееся в первом акте, к третьему не только не стреляет,

но и вовсе исчезает с поля зрения... В общем, получается все длиннее, банальнее, а кроме того, более хаотично и непредсказуемо.

Однако вернемся к решению изменить жизнь. Это совсем не значит, что в один прекрасный день (вечер, утро) я подошел к зеркалу (шкафу, газовой плите, девушке, собаке) и тут меня осенило: буду менять свою жизнь (с завтрашнего дня, с этой минуты, с этой недели, с понедельника). Вовсе нет.

В реальности все бывает иначе. Жизнь меняется, когда, например, поступаешь в институт, уезжаешь в другой город, меняешь работу... Или когда уходишь от жены: другое жилье, отсутствие любимого кресла, кота, завтрака, книжной полки, радиоприемника...

Получается, что в этом случае начало новой жизни диктуют внешние обстоятельства, с внутренней потребностью никак не связанные. Бывало, правда, и другое – когда я, например, очень захотел съездить в Европу. Там пришлось многое менять: нужно было найти деньги, позаботиться о паспорте и визе, об атласе и расписании, многое узнать и просчитать. Но потом оказалось, что это не я себя менял, а поездка меня: паспорт я получал не потому, что этого хотел, а потому, что таково было условие, поставленное государством. В результате получалось опять, что не я себя менял, а меня меняли обстоятельства. Правда, в соответствии с моими собственными целями, но не все ли равно...

Однако на этот раз мое желание коренного изменения

жизни было продиктовано совсем другой причиной.

Дело было так: накануне памятного мне вечера я напился как никогда. Вообще-то пьющим меня можно назвать только с большой натяжкой. Недостатков за жизнь у меня накопилось, конечно, предостаточно, но страстная любовь к выпивке в их число не входит. Но тогда повод напиться, несомненно, был: во-первых, у меня начались проблемы на работе, во-вторых (что принципиально!) едва не размазал по асфальту здоровенный джип. И то, и другое произошло по моей собственной глупости, что особенно обидно.

У первой глупости есть имя – ее зовут Аглая. Ни в каком случае не Аля какая-нибудь или (не дай Бог!) Алена, – а именно Аглая. Черт его знает, что это имя означает, не суть. Она работала в той же редакции газеты, что и я, но в другом отделе. Отделы наши почти не связаны между собой, но имеют общего начальника. Аглая – тетка крутая, принципиальная, а когда дело касается работы – просто волк, притом старше меня лет эдак на десять... я таким почему-то нравлюсь. И почему-то мне это обычно выходит боком.

Пару месяцев назад, во время традиционной пьянки (кажется, у кого-то был день рождения), она неожиданно опрокинула на меня рюмку белого вина и, вместо извинений, окатила смехом. Да так, что у меня мурашки побежали по коже. Кажется, это было впервые, когда я ее разглядел как следует: прямая, тонкая, с черными волосами и пронзительными

татарскими глазами, которые смотрели язвительно, с вызовом. Я извинился за ее неловкость и долил в ее рюмку вина, а потом мы танцевали. А после, когда ехали домой в одной машине, она предложила зайти к ней в гости. Предложила шутливо, конечно, но с вызовом в глазах куда большим, чем ранешний. Я даже испугался: женщины старше меня, а особенно такие уверенные в себе, всегда немного пугали. Так же шутливо я отказался и уехал домой.

А после этого все два месяца при каждой встрече с Аглаей мне казалось, что в наших отношениях есть какая-то тайна, нам одним известная: обычные слова и взгляды имели для нас непонятный другим, загадочный смысл. Казалось, я ей нравлюсь, и это наполняло меня скрытой гордостью... Два месяца – до тех пор, пока наш общий начальник не объявил о своей отставке: я уже знал, что этот ушлый дядька подыскивает более хлебное место, но все равно известие было неожиданным. Отношения с ним были у меня запанибратские, и я даже (грешным делом!) думал, не посоветует ли тот большому руководству присмотреться к такому, хотя и молодому но, несомненно, талантливому человеку, как я...

Не советовал.

А сразу после его ухода на эту должность поставили Аглаю. Я уже подумывал о том, каким образом наши «тайные» отношения скажутся на службе, как мне сообщили, что новая начальница требует моего увольнения. Уволить, прав-

да, не уволили (редактор не утвердил), но жизнь мне сразу показалась штукой совершенно невозможной. Надо же было так ошибиться в человеке!

Шлепая по осенним лужам к автобусу, я вспоминал ее последние слова, сказанные, когда я заглянул-таки к ней проверить информацию. Она была совершенно спокойна: «Ничего личного, старик!». «То есть как „ничего личного“, почему?!» – мысленно вопрошал я, так ничего и не сказав вслух. Потом – по дороге к автобусу – долго вел с ней содержательнейший диалог. Телепатический. «Это что же значит – я был и остаюсь плохим работником что ли?! Или... Что значит: „ничего личного“?».

Виртуально я рвался поговорить с ней «начистоту», она же в ответ улыбалась и сверлила меня раскосыми глазами, сверкающими и яркими...

И в этот момент я неожиданно почувствовал, что на меня откуда-то сбоку накатывается темнота – неотвратимая и мертвая. И в тот же момент какая-то нечеловеческая сила схватила меня сзади за куртку, приподняла в воздух и швырнула в грязь. От неожиданности и возмущения я даже дар речи потерял. Может быть, и к лучшему: здоровяк в рабочей одежде, проделавший со мной этот кульбит, был явно не намерен что-либо выслушивать – он хотел сам высказать все, что он думает обо мне и обо всех придурках вроде меня... И тут я увидел удаляющийся черный автомобиль, который меня оказывается едва не сбил. Черт знает что происходит...

Здоровяк, который уже прокричался, оказался на деле не таким злым, как на словах (его речь в основном состояла из отборного мата). Он помог мне подняться и даже немного почистил от грязи куртку, а я (с трудом) смог выдавить «спасибо» и поплелся дальше – пешком, держась подальше от дороги. Мир, казавшийся мне еще вчера таким прочным, рассыпался. Я шел, глядя на носки своих перепачканных ботинок, не обходя лужи, казавшиеся мне осколками этого мира. Одновременно я испытал какое-то доселе недоступное мне облегчение: еще вчера мне нужно было думать о карьере, зарплате – бороться, выживать... Вчера. Наверное, этим же придется заняться и завтра: купить газету «Работа», упасть на телефон... Все равно уволят – чего ждать-то... Но это – завтра, а сегодня можно просто брести по осеннему городу – час за часом.

Вскоре, однако, я почувствовал слабость во всем теле и начал жалеть себя.

Я напился.

Было это так: Валерка притащил водку, целый литр. В другое время я его просто послал бы с таким предложением, потому что водку терпеть не могу. Но сегодня – вроде ничего, даже в самый раз. Пил, правда, молча, сосредоточенно закусывая копченой рыбой. Зато Валерка, как всегда, не мог молчать. Он рассказывал о чем-то странном:

– Слышь, братан, эти чурки, ты знаешь, почему они такие продвинутые? А я тебе скажу почему: они только на вид

как мы, что бы там эти доктора ни говорили про «идентичность физиологии». Какая к черту «идентичность»! Водку не пьют – это раз (он опрокинул в горло рюмку, слегка сморщил лицо, толстые его щеки заметно порозовели). Жрут всякую дрянь – это два, прямо подзаправка топливом, а не жратва! И, наконец, с бабами у них полный бардак: куда это годно – совокупляться, извиняюсь, только для продолжения рода, ты мне скажи! Что тут остается? Правильно – науку двигать. У них же, гадов, даже книжек нет про приключения, какие ж они люди?

И вот так часа два. Я слушал его вполуха. «Чурки» – Валеркина любимая тема. Это инопланетяне из его любимого сериала. Вечно он так: посмотрит что-нибудь и начнет рассуждать так, будто и впрямь среди нас – куча инопланетян. В общем, по-трезвому слушать невозможно, только под выпивку.

Вообще Валерка тот еще фрукт: скала – не человек. Весу в нем десять пудов, столько же добродушия и неугомонности. Ко мне он приходит обычно со словами: «Опять кислячишь, жук?» – и тут же заполняет собой все пространство комнаты. Я поначалу, когда жил в общежитии, думал, что это что комнатка у меня маленькая. Однако и в квартире все оказалось точно так же. Если я когда-нибудь стану жить во дворце, ему и там тесно покажется...

Кроме фантастических сериалов он любит выпивку и баб. По этому поводу от семьи он давно ушел и потому живет

в общежитии. Тут у него, что ни дверь, то любовница. Зарабатывает он столярным делом, причем зарабатывает хорошо: хватает и на бывшую семью, и на пресловутых любовниц. Если хочется быстро и качественно надраться – лучше кандидатуры не придумаешь.

А на все мои беды он реагировал правильно:

– Все рассосется, не кислячь!

Глава 3. Чатуранга

С работы я не уволился. А вместо этого назначил на вечер свидание с девушкой, которая мне давно нравилась: в парке, на одной приметной лавочке.

Девушка на свидание не пришла, и я, раздосадованный (как всегда бывает в подобных ситуациях) раздумывал: подождать еще, или уйти, а если уйти – то куда.

Ветер гонял по парку опавшие листья. Мне они казались символом увядания, я чувствовал себя совсем старым и никому не нужным. Так тоскливо делалось – хоть вой. Я сидел, полный мрачных мыслей, и уже подумывал уйти, когда на соседнюю лавочку присела любопытная пара – мужчина лет пятидесяти и молодая женщина.

Мужчина был одет подчёркнуто небрежно. Костюм, когда-то дорогой, нещадно измят и обношен – казалось, этот человек не обременяет себя тем, чтобы следить за своим внешним видом. Волосы примерно в том же состоянии, что и одежда – давно не стриженные и столь же давно не общавшиеся с расчёской. Зато лицо привлекало: массивный череп, мощный лоб, говорящий о недюжинном интеллекте. В глазах с легким оттенком безумия, сверкал огонь. В такие глаза сложно взглянуть, а ещё сложнее потом отвести взгляд. Нос массивный, слегка кривой. Губы тонкие, язвительно кривящиеся при разговоре.

Мужчина беспрестанно курил и оживлённо беседовал со своей спутницей, вид которой являл полный контраст с ним. Лет двадцати, безупречно одетая в светлые тона, она была как-то по-детски красива. То есть красота её могла вполне привлечь фотографа, ищущего модель для обложки иллюстрированного журнала, но при этом её застывшее фотографическое изображение вряд ли имело бы что-то общее с ней реальной: детскость и наивность делала её беззащитной и хрупкой.

Поймав мой любопытный взгляд, девушка вдруг встала, подошла ко мне и произнесла совершенно неожиданную фразу:

– Не хотите погадать?

К гаданиям на улице, на которых здесь, как и в любом большом городе, зарабатывали деньги исключительно цыганки, отношение у меня отрицательное. Когда-то, будучи студентом, я потерял на таком гадании немалую по тем временам сумму и ничего, кроме разочарования, в ответ не получил. Позже, работая репортёром, я узнал о цыганах немало нелюбезных подробностей, что лишь укрепило меня в первоначальном мнении. И хотя ни девушка, ни её спутник на цыган не походили, я посмотрел на неё с неодобрением и не сразу нашёлся, что ответить. А девушка тем временем продолжила.

– Он, – она указала на своего спутника, – известный астролог и хотел бы вам погадать. Просто так, для практики.

Если бы девушка не вызывала симпатии, я наверняка встал бы и молча ушёл. Но девушка меня заинтересовала, а кроме того, сработала репортёрская хватка: всё любопытное или необычное можно превратить в текст – прямой источник дохода. Поэтому я слегка наигранно улыбнулся девушке, кивнул и подошёл вместе с ней к астрологу.

– Алексей Алексеевич, – представился тот, – а это, – он указал на девушку – Ирина.

– Виктор.

Потом он произнёс ещё несколько ничего не значащих, но располагающих к общению фраз и повторил уже сказанное Ириной. Да, он астролог, в этом городе проездом и не прочь погадать. Вообще-то это гадание стоит очень дорого, но сегодня он при деньгах и в хорошем настроении, поэтому готов гадать бесплатно – просто ради удовольствия.

Я постарался подойти к необычному гаданию с точки зрения журналиста, а не как человек, который хочет узнать о себе что-то новое. А гадание и впрямь оказалось необычным: судьбу астролог предсказывал не по руке и не по дню рождения, а по крестикам, которые попросил расставить в «матрице» – расчерченном на квадратики листочке бумаги. Поскольку гадание называлось «шахматным», этот расчерченный листочек, судя по всему, являл собой символ шахматной доски. А человек, которому гадали, то есть я, сравнивался с одной из шахматных фигур.

После того, как Алексей Алексеевич присвоил мне одну

из фигур и – очень верно! – расписал качества моего характера, я начал расспрашивать астролога про другие фигуры, пытаюсь понять гадание в целом, не заикливаясь на свойствах именно моей фигуры.

Потом, когда я расшифровывал записи, которые делал при этом в блокноте, у меня получилось следующее: всех людей астролог делил на четыре типа, по шахматному принципу. Человек либо Слон, либо Конь, либо Король, либо Ладья. Каждый из этих типов в свою очередь имеет четыре разновидности, которые обозначаются камнями, то есть каждый Слон (или другая фигура) может быть Рубиновым, Хрустальным, Алмазным или Изумрудным. Каждая из фигур имеет свои свойства, каждый камень добавляет что-то к этим свойствам. Сам я оказался Хрустальным Конём. Конь говорит о креативности и непоследовательности, а хрусталь – о скрытых магических способностях. Гадание это астролог называл «Чатурангой» и утверждал, что изобрели его в древней Индии, причем задолго до появления шахмат. Более того, шахматы когда-то были не игрой, а именно гаданием.

Кроме того, в матрице каждому квадрату астролог присвоил цифру – как он пояснил, по принципу «магических квадратов». Он посчитал цифры в квадратах, которые я отметил, и вычислил из них «счастливые» числа. Числа оказались 7 и 13.

– Тебе везёт на седьмом этаже, в седьмой квартире, в вос-

кресенье, – пояснял он. – А тринадцать – число, на котором всё меняется: оно не плохое и не хорошее, на нем нужно ждать перемен и принимать решения.

Во время разговора я периодически поглядывал на Ирину. Девушка сидела молчаливо и немного отстранённо: судя по всему, подобные объяснения она слышит не впервой. Быть может, ей даже скучно. Но при этом она, казалось, готова выслушивать это бесконечно – видимо, соблюдала «правила игры».

Когда гадание закончилось, я почувствовал, что эта пара настолько мне интересна, что вот так сразу расставаться не хочется. И в следующий момент как-то естественно и непринужденно оказалось, что мы вместе идём по улице, как старые знакомые. Оказалось, что Алексей Алексеевич и Ирина из другого города, и завтра утром у них поезд, а здесь они остановились у тетки Алексея Алексеевича и сейчас идут туда, и я иду вместе с ними.

Квартира Раисы Илларионовны (так звали тетю Алексея Алексеевича) встретила обилием кошек, которые вольно гуляли по всему дому, и никак нельзя было сосчитать точное их количество. Казалось, они повсюду и имя им легион.

Сама Раиса Илларионовна была женщиной лет шестидесяти пяти, живой и простой в общении. Язык не поворачивается назвать ее старухой. Встретила она гостя запанибратски, будто ей не привыкать видеть в своем доме незнакомых людей: выдала домашние тапочки, напоила чаем. Алексей

Алексеевич доложил, что она – бывшая актриса и геофизик, а ныне поэтесса. И тут же завладел всеобщим вниманием. Он был неистощим – пел свои песни под гитару, читал стихи и прозу, рассказывал о своих поездках и изобретениях, встречах и планах на будущее, обо мне и о себе, об Ирине и о тёте, о своем непутёвом брате и шахматных турнирах, о службе в армии, за границе и борделях, новых самолетах и поисках места в жизни, об альтернативном образовании и гибели семьи Романовых...

Ночь пролетела незаметно. От такого обилия информации голова у меня была совсем лёгкой, ноги от бессонной ночи – тяжелыми и ватными.

«Человек он, бесспорно, талантливый и неординарный, – думал я об Алексее. – Притягивает к себе, как магнит, но в то же время есть в нём что-то отталкивающее – то ли манера свои „мелкие“ недостатки, такие как небрежность в одежде, выставлять напоказ, то ли то, что слишком он любит (и умеет) завладевать всем вниманием собеседника».

Утром я отвёз их на вокзал (Ирина была немного сонная и от этого больше прежнего напоминала ребёнка) и, дождав-шись отправления поезда, поехал на автобусе домой – отоспаться и собраться с мыслями. Слава богу, была суббота – нерабочий день.

А «утром», которое началось, когда уже начало темнеть, я неожиданно вспомнил нечто важное. Так «долбануло», что даже зубную щётку вынул изо рта, так и не дочистив зубы.

Сплюнул пасту, прополоскал рот и, задумавшись, прошёл на кухню, закурил.

Нет, просто «вспомнил» – сказано неправильно, скорее я вспомнил о том, что нужно что-то вспомнить. То, о чём думал утром, перед тем как заснуть.

Сначала вспомнил, что обещал себе написать статью о гадании, потом – о впечатлении от Алексея и Ирины. Сегодня Алексей казался мне человеком, которому для жизни, как воздух, как никотин его бесчисленных сигарет, нужно внимание людей. Он казался мне похожим на гениального актера, который живет тем, что ежедневно получает эмоции от оваций бесчисленных зрителей – и только так самоутверждается и чувствует себя в форме. Ирина же, в отличие от вчерашнего дня, когда она казалась мне почти ребёнком, вспомнилась почему-то печальной, даже несчастной.

Наконец я вспомнил разговор – где-то между Кантом и адюльтером, – который выглядел сегодня исключительно важным. Алексей рассуждал о людях, деля их на тех, «кто играет» и «кем играют»: он рассуждал о том, насколько многого может на самом деле добиться любой человек, и насколько малое число людей этого добиваются.

– Вот ты, – говорил он, – мог бы стать миллионером или наёмным убийцей, а может быть философом или священником, но предпочитаешь оставаться *обычным человеком*.

Меня это задело. Я начал оправдываться, говорить, что я журналист (на что Алексей тут же едко заметил, что журна-

лист – значит профессиональная проститутка, на что я даже не нашёлся сразу, что ответить), что я уже многое повидал в жизни, много где был и совсем не считаю себя «обычным»...

– Журналистика, а в особенности газетная, вообще вымирает, причем вымирает как раз из-за своей продажности, – говорил Алексей. – Если телевизионные новости от простоты восприятия продержатся ещё долго, то газеты будут со временем терять вес.

– Но в печатное слово-то ты хотя бы веришь? – спрашивал я.

– Конечно. Иногда это даже слово журналиста в газете. У каждого приличного журналиста бывают в жизни хорошие статьи, хотя бы несколько – сам когда-то работал в газете, знаю. Но это – лишь исключение, подтверждающее правило: большинство статей либо «заказные», либо откровенно «жёлтые». Первые направлены на формирование общественного мнения, вторые рассчитаны на сиюминутный интерес читающей публики. Заметь: люди, имеющие доступ в Интернет, газеты читают исключительно редко, а большинство людей их вообще не читают, а «просматривают». А слово – настоящее слово – можно найти в книгах, да и то не во всех.

– Эта точка зрения не новая, она опровергается временем... – начал было я.

Алексей в ответ лишь вздохнул:

– Тяжёлая у тебя профессия. Не позавидуешь никому, кто душу продаёт ежедневно, причём «кому хошь» и за гроши. Хотя... иногда ради нескольких «золотых» статей стоит всю жизнь проработать в журналистике. Иногда даже ради одной.

А потом он взял гитару и спел мне песню, которую назвал «Балладой о честном журналисте»:

*...Не веря в предсказания убогой,
Колоду бросив, всё же посмотрел.
И выпала в расклад ему дорога,
А за дорогой длиною расстрел...*

Были в ней такие строчки:

*Открыв страницы верного блокнота,
Писал он кровью, золотым пером.
И выпала ему такая ночка,
Что весь блокнот покрылся серебром.*

И конец:

*Так кем он был, лежащий в поле чистом,
У самого сплетенья трёх дорог?
А был он просто честным журналистом —
Любой из нас там оказаться мог.*

– Не обижайся, – сказал он, закончив петь. – Не так уж

плохо я отношусь на самом-то деле к вашей журналистской братии, как видишь.

Тут разговор перескочил на путешествия: Алексей рассуждал о том, что путешествуют часто люди, которые чувствуют себя неполноценными – им мало самого себя, им нужен «я» вкупе с Эйфелевой башней или с Тауэром, или с Ниагарским водопадом. В общем, тема уже сменилась, об *обычных* людях больше не говорили.

Я вспомнил о возмущении, которое охватило меня после того, как меня назвали «*обычным*». Я понял, что речь вовсе не о том, миллионер я или журналист (одно другого, по большому счёту, стоит), а о том, из категории «играющих» я, или тех, «кем играют». И я тут же честно причислил себя ко вторым.

Слишком уж мы привыкли именно себя считать «исключительными», «не похожими на других», «уникальными». Если вдуматься, это совсем не так. Действительно, всю мою жизнь меня кто-то определял куда-то, кто-то решал, что мне делать и чем дышать, а иллюзия самостоятельного выбора приводила к тому, что я только такую жизнь и считал жизнью. Даже мучился, когда она была другой – например, когда сидел без работы. То есть, по сути, я тогда искал того, кто бы за меня эту жизнь определил. Самурай без сюзерена...

Встреча с Алексеем стала тем «пинком под зад», который как должен был дать мне необходимое ускорение, чтобы идти сворачивать горы, но так случилось, что обстоятельства

изменили меня без моего участия и гораздо сильнее, чем я мог предположить.

Глава 4. Записки сумасшедшего

Начало.doc

Меня зовут Виктор.

По крайней мере, такое имя указано в моем паспорте. Кто я на самом деле – не знает никто, по крайней мере, я – точно не знаю. Из зеркала на меня смотрит измученный, уставший, но симпатичный молодой человек с тёмными, вьющимися, растрепанными волосами. Мне знакомо и приятно это лицо, но у меня чёткое ощущение, что лицо это не моё. Это навязание приходит каждый раз, как я подхожу к зеркалу. Но я привык и уже не отшатываюсь от зеркала, как в первый раз. Машинально беру расчёску со столика около кровати и начинаю с удовольствием причёсываться.

Медсестра Валечка уже сменила бельё и немного ещё замешкалась, что-то поправляя и глядя на меня исподтишка. Кажется, я ей нравлюсь.

Вдруг я прихожу в себя, останавливаюсь, неприятно удивившись самому себе, бросаю расческу и снова растрёпываю волосы. И так каждый раз. Это превращается в кошмар... Валечка испуганно вздрагивает и уходит.

Когда я очутился в онкологической больнице, я был уве-

рен, что живу в городе Свердловске и работаю журналистом. Вот несколько заметок из блокнота – одной из немногих вещей, оставшихся от моей прошлой жизни. Благо, всегда носу его с собой.

...Совсем недавно пришел в себя – сегодня первый день, когда могу что-то царапать в своем блокноте. Что-то очень любопытное происходит с моими глазами: стоит чуть-чуть изменить угол зрения, и буквы начинают расплываться, иногда мне даже кажется, что они сознательно нагромождаются друг на дружку, издеваясь надо мной. Доктор говорит, что это нормально после операции, и скоро всё пройдет...

Я лежу в новом корпусе онкологической больницы, что на краю нашего города. Больница – просто блеск! Говорят, что это любимое детище нашего губернатора, «на личном контроле» так сказать, поэтому здесь всё на высшем уровне, напоминает булгаковскую клинику доктора Стравинского (мне, по крайней мере). Психиатров, правда, нет – все большие хирурги, но сумасшедших хватает... У всех нас (а в палате нас трое) диагноз один и тот же: опухоль головного мозга, а это, я вам скажу, к сумасшествию очень даже располагает...

...Опять начались головные боли. Валечка вколола мне что-то в ягодницу. Клонит в сон.

Если верить моим часам, то сегодня 24-е число. Значит, я здесь уже пять дней (и все пять помню

очень смутно). ПЯТЬ! Начхать на эту «утку», да и на санитарку-дуру тоже. Перетерплю как-нибудь... Главное, очень хочется вспомнить всё, что со мной случилось!

Помню вот что: стоял первый теплый день мая, и я в своей куртке «кожзам» просто изнывал от жары. Ещё бы – всю неделю погода делала жуткие выкрутасы: днём, как правило, шёл дождь, временами переходящий в снег. И когда я этим утром увидел на термометре +8 (было семь утра), то, естественно, надел куртку. Пожалеть об этом пришлось ближе к обеду – по моим ощущениям к этому времени температура была уже около двадцати градусов, и я весь взмок, пока шёл от редакции к Дому Культуры.

Накануне я брал интервью у директорши этого заведения – стервозной бабы под сорок, – и в тот день нёс на её суд уже готовый текст статьи. Мне, помню, ещё не очень повезло – когда пришел, у неё в кабинете была «оперативка». Сунул было нос, но, увидев её, распекающую с десяток своих сотрудниц, поспешно убрался обратно в коридор, сел на стул и вынул книжку, чтобы скоротать время.

Чтение, однако, не шло – я вспомнил, что мне сказали в редакции про эту бабу: «Вредная как сам черт, журналистов терпеть не может. Смотри – всю душу вынет!» Я вытащил из сумки и медленно перечитал текст статьи, и он мне совершенно не понравился. Ну, да, волков бояться...

Вот тут-то все и началось. У меня прихватило

сердце. Причем так сильно, что я подумал, что сейчас упаду в обморок. То-то весело будет! Мелькнула мысль, что сегодня с утра я много курил, а вчера лёг очень поздно и не выспался...

Однако слегка отпустило. Сжав зубы, я растянул одну пуговку на рубашке и, сунув в образовавшуюся щель ладонь, прижал её к груди – стало, вроде бы, чуть-чуть лучше. В это время из кабинета посыпались сотрудницы, некоторые кивали мне в знак приветствия, на лицах их читалось облегчение. Я, вздохнув, встал, всё ещё не веря, что смогу удержаться на ногах, и поплелся в директорскую берлогу с самыми дурными предчувствиями.

– Давайте, давайте свою писанину! – эта полная дама едва удостоила меня взглядом, совершенно проигнорировав моё приветствие, и уставилась в написанные мной строчки так, будто я ей принес чью-то анонимку в её адрес. Дойдя примерно до третьей строчки, она подняла на меня негодующее лицо и слегка приоткрыла рот...

Однако чем она осталась недовольна в моей статье, я так и не узнал – в этот момент словно чья-то невидимая рука стальными тисками сжала моё сердце, и я, каким-то шестым чувством осознав, что оно больше не бьется, начал валиться набок, на миг потеряв всякий контроль над своим телом. Сознание почему-то оставалось совершенно ясным – я, так и не почувствовав удара, тупо взирал на ножку письменного стола, обреченно думая о том, какой

переполох вызовет сейчас моё падение.

Длилось это целую вечность. Тишина заполнила меня без остатка, боль куда-то ушла, а затем вернулась, но слабее. В этой тишине я почувствовал частые-частые удары своего сердца и холодный пот, стекающий по спине. Я как мог поспешно вскочил на ноги, со словами «Всё в порядке, не беспокой...», и ошолбенел: директорша сидела неподвижно, как статуя, уставив свой негодующий взор в то место, где я сидел до своего падения. Я осторожно дотронулся до её руки – та была тёплой, но какой-то безжизненной. Взгляд её был осмысленный и какой-то замороженный.

В панике я рванулся к двери, распахнув её резким движением. Дверь глухо ударилась обо что-то твердое. Я протиснулся в щель и увидел одну из сотрудниц Дома Культуры (кажется, Настя её зовут), наклонившуюся к двери. Подслушивала?

Она также была неподвижна. В панике я, обогнув её, вылетел в коридор – тот был полон восковых статуй, выглядевших до абсурдного неестественно: в конце коридора техничка, с ведром в руке, сморкалась в выдавший виды носовой платок, а в двух шагах от неё миловидная девушка, наклонясь, поправляла слетевшую туфлю.

Я прошёл на лестницу, где обычно курили, доставая сигарету. Здесь картина была ещё интереснее – парень в зелёном пиджаке держал в вытянутой руке зажёжённую спичку, а девушка, слегка наклонясь,

утопила в этом огоньке кончик своей сигареты. Огонёк стоял совершенно неподвижно.

Сейчас я этого уже не могу вспомнить, как бы ни хотел – воспоминания уходят, расплываются. Это похоже на то, как видят отдалённые предметы близорукие люди.

Когда я вышел из больницы, оказалось:

1. Я не помню, где живу, не помню своих друзей и знакомых.

2. Моё имя – Виктор – осталось в памяти с того времени, когда я ещё что-то помнил.

Выяснилась куча противоречий между тем, что подсказывала мне память, и реальностью.

1. Так, например, судя по записям, у меня был сердечный приступ, а оказался я почему-то в онкологической больнице с опухолью головного мозга. Опухоль, к счастью, оказалась операбельной, и ее успешно удалили. О пробелах в памяти я, по совету моего врача (Валерий Петрович его зовут) особенно распространяться не стал – иначе оказался бы в психушке, а не на воле.

2. Если то, что я помню – правда, то я должен был бы как журналист оказаться в больнице со всеми документами, а документов при мне не оказалось – ни паспорта, ничего.

3. Непонятно, как я вообще сюда попал без документов! Я спрашивал, конечно, об этом, но... Все молчат, будто так и надо, даже Валерий Петрович. Тот вообще, со свойствен-

ным врачам цинизмом, сказал мне: «Не лезь в это дело! Знаешь, сколько стоит твоя операция? То-то! А за тебя всё уплачено, куча денег, причем наличными!»

Только от Тольки, соседа по палате, выяснил что-то новое: по его словам, меня привела какая-то девушка, сказавшая, что нашла меня где-то за городом (!) и, проявив большую активность, добилась, чтобы меня положили на обследование. Конечно, ничего бы у нее не вышло, но! Свою просьбу она подкрепила большой суммой наличных. Неудивительно, что для меня сделали исключение.

В общем, запутано все. Особенно с деньгами: на моё имя (представьте, было записано просто «Виктору» – и всё!) – в больнице ею была оставлена холщовая сумка, битком набитая пачками крупных купюр. Огромная сумма! Кроме денег, в сумке не было ничего. Даже записки. Девушка не оставила своих координат и ни разу не пришла меня навестить. Вообще никаких посетителей у меня не было – до самой выписки.

Воспоминания о том, кто я и чем занимался до больницы, стирались из моей памяти с невероятной скоростью, тогда как всё, что было в больнице и после, я помню совершенно отчётливо.

Рациональность мысли я не потерял: первым делом снял квартиру и сделал себе документы. Фамилию выбрал себе в честь героя Рафаэля Сабатини Питера Блада, в общем, стал Виктором Бладом. Над отчеством тоже долго не думал: ре-

шил, что буду Викторovich.

Следующий шаг – купил квартиру: денег хватило на двухкомнатную, ещё и на кое-какую обстановку: я решил не скупись и потратил их почти все.

Нашёл на улице пожилого, но очень приятного кота и назвал его Стасом. По-моему, у меня когда-то был кот. Рыжий и очень умный.

Ни одного конца своей прошлой жизни я так и не откопал. Девушка – моя единственная зацепка – тоже никак не проявилась, хотя я оставил Валерию Петровичу свой адрес. Поэтому начал досконально и скрупулезно записывать все, что со мной происходит. Вдруг снова потеряю память.

Я начал искать работу журналиста.

Почему вдруг журналиста? Было две веских причины выбрать именно эту профессию. Первая – то, что, судя по утраченным воспоминаниям, именно этим я когда-то зарабатывал себе на хлеб. Вторая – мне казалось, что подобная работа позволит мне рано или поздно встретиться с тем, кто узнает меня (или я кого-то узнаю), а, кроме того, позволит иметь время и возможности для расследования собственного прошлого. Третья причина заключалась в том, что порой тексты сами просто лезли из меня, причем без особых усилий с моей стороны.

Для написания первой статьи пришлось посидеть в библиотеке и Интернете. Но главное – результат мне понравился.

Нигде не работая в штате, я писал и публиковал статьи о вреде курения и пива, о хороших и плохих депутатах... Иногда – откровенную лабуду и «заказуху», впрочем как и все известные мне журналисты. «Кухня» в этой профессии, как и во многих других, иногда бывает «с запашком».

Тематические статьи я всегда писал с особым удовольствием. Даже не потому, что писать их легко (зачастую это совсем не так), а потому что из меня при их написании лезли воспоминания. В процессе создания статьи я, бывало, «отключался» – писалось как-то само собой. При этом «всплывали» факты из собственного прошлого, доселе мне самому неизвестные, и я использовал их.

Иногда мне казалось: ещё чуть-чуть, и я начну *вспоминать*. Только казалось – к сожалению.

Вскоре я устроился на первую свою работу в журнал, потом оттуда уволился. Время от времени терял работу, находил новую, но меня не покидало беспокойство. И однажды я вспомнил еще кое-что, и ноги сами понесли меня по когда-то знакомой дороге.

Психиатры.doc

Я сошёл с ума. Весь мир сошёл с ума.

И это так весело, что хочется смеяться.

Джек Лондон

Иду. Сам иду – значит мне это очень нужно. Позарез. Сла-

ва Богу, недалеко. Кажется, что уже своей тени боюсь... Наверное от того, что не уверен – моя ли это тень.

Мысли путаются. Грязь на ботинках – надо не забыть почистить. Апрель – говорят, уже верба расцвела. О чем это я? Нужно **ОЧИСТИТЬСЯ** от всего, иначе **ВСЁ** напрасно. Но это я так думаю. Я ли?

Магазин «Продукты». Вот окошечко, в котором ночью можно купить хлеб. Я делал это не один десяток раз. Ведь помню! Да, продаёт этот хлеб ночной сторож – если придёшь поздно, нужно очень долго стучаться.

Этот магазин нужно обогнуть, и оттуда уже виден дом, где живут Олег и Ася. Откуда-то я знаю, что они врачи. На этом отрезке пути ветер почему-то всегда дует прямо в лицо. Противно. Но ведь я и это помню!

Третий этаж. Номера квартиры я так и не запомнил, но точно помню отличительную черту – этот номер написан на маленькой картонной бумажке, прикреплённой к самому центру двери. Набираю в себя воздух, прежде чем постучаться.

Олег и Ася... Правильный ли я сделал выбор? Он – врач-психиатр, в недавнем прошлом – заведующий отделением (это в тридцать-то с небольшим лет!). Талант! Она – детский психолог. **ОТКУДА-ТО Я ЭТО ОЧЕНЬ ХОРОШО ПОМНЮ**. Мы – я и моя (жена?) не раз здесь бывали. Я болтал с Олегом (анекдоты про новых русских, Фрейд, кино про негров и марихуану... «Давай сделаем вместе передачу

на молодежном радио, там любят таких пошляков!»), в соседней комнате Ася и??? обсуждали детскую психологию, педагогику, религию... Крепкий чай, бутерброды, текила... Так ли давно это было? И было ли?

Дверь открыла Ася. Какое там узнать. Моё лицо ей ни о чем не говорит. Но удивления постороннему нет, значит, телефонный звонок сделал своё дело.

– Здравствуй, проходи, – она приветлива, в голосе никакой настороженности. Слава богу – лишь бы не было повода *надавить*. – Как тебя зовут?

– Виктор. Впрочем, не знаю, Ася. Не уверен. Потому и пришел... – сразу начинать с правды сложно, но ТАК НУЖНО, иначе всё бесполезно. – Давайте пойдём на кухню. Зовите Олега. И... пожалуйста, заварите ваш великолепный чай.

Из соседней комнаты появился Олег – вихрь веселого добродушия (у каждого психиатра своя маска!). Я, снимая куртку, ухмыльнулся своему изображению в зеркале – если я себя там не узнаю, то уж они – тем паче. Что ж, начнём!

Если они и удивились, то виду не подали, держались молодцом. Я даже подумал, что, наверное, правильно сделал, остановив свой выбор на них.

– Олег, Ася! – по-моему, начало получалось слегка напыщенным. – Я отвык от правды, ребята.

Чувствую, что сейчас я жутко противен сам

себе. Только бы не сорваться. Kaleйдоскоп солнечных зайчиков перед глазами. Перевернутая пирамида.

Слова куда-то ушли, словно я поперхнулся. Внутренне сжавшись в комок, я выдавил:

– Я знаю вас, вы сейчас готовы мне помочь в решении моих психологических проблем, и причем бесплатно, тем более, что за меня просила ваша давняя знакомая, ведь так?

– Конечно, конечно, – Олег даже приподнялся с места.

– Так вот, этого-то я хочу меньше всего. Во-первых, я богат. Точнее, деньги для меня сейчас ничего не значат.

Поморщившись от того, что я делаю, я засунул руку во внутренний карман пиджака и достал оттуда перетянутую резинкой пачку мятых долларов. Не глядя на Олега с Асей, почувствовал удивление на их лицах и, стараясь не смотреть им в глаза, продолжил:

– Вот это вам. За мой сегодняшний визит.

– Но... Ну, ты даёшь! – вырвалось у Олега.

– Подождите удивляться. Сейчас попробую объяснить.

Снова радуга цветных бликов перед глазами. Боже, как я сдал!

Я, наконец, взглянул на их удивлённые лица. Чёрт, все-таки перебарщиваю. Но как иначе?

– Вы правы в том, что мне нужно помочь. Но... на моих условиях.

– Вы... вы скрываетесь от кого-то? – в голосе Аси послышалась некоторая робость.

– Нет, что вы... – я нервно усмехнулся. – Мои условия в другом. И эти условия – для вашей же безопасности. Потому что... потому что я могу быть очень опасен. Нет, нет, успокойтесь, физически вам ничего не угрожает. Это я гарантирую...

Олег (молодец всё-таки) помог:

– Мне кажется, что я понял вас. Предлагайте правила игры, а мы уже решим, принимать их или нет.

Я вздохнул с облегчением и посмотрел на него с благодарностью

– Хорошо. Я надеялся на это. Можно начинать? – я взглянул на Асю.

– Да. Да, конечно.

– Меня *просто нужно выслушать*.

Но тут словно пелена спала с моих глаз. В ИХ глазах не было понимания, не было сострадания. В НИХ был профессиональный интерес.

Щелчок в моей голове – и всё встало на свои места. Смотреть на них мне уже не хотелось – всё это я уже видел тысячу раз: глаза Олега лучатся неподдельным участием. Ещё секунда, и мир изменится: остановится, замрёт, станет неподвижным. Я начинаю понимать, что в такие моменты становлюсь самим собой, тем, кем я был когда-то, и этот кто-то – знает, что нет этим людям дела до меня, как и, впрочем, всем. ВСЕМ.

Этого мне уже не вынести. Сейчас, по крайней мере. Как

во сне, я вскакиваю и гигантским прыжком бросаюсь в прихожую, на ходу хватаю свою одежду и всовываю ноги в незашнурованные ботинки...

Прихожу в себя только у своего подъезда, дрожа от холодного ветра, держа скрюченными пальцами ворох мятой одежды. Глаза застилают слёзы. Или это просто дождь?

Сон. Точка отсчета.doc

Наутро следующего дня дождь прекратился. Самый первый солнечный лучик, возвещавший о приходе в этот мир нового дня, осветил окно «хрущёвки», где в комнате, освещённой до него только голубоватым светом компьютерного монитора, сижу я, щёлкая неумело одним пальцем по клавишам. Я давно небрит, глаза красные от бессонной ночи.

Снимаю с колен клавиатуру и закуриваю, откинувшись в кресле. Сейчас я спокоен. Неторопливо сохраняю в компьютере файл под именем «Психиатры.doc» и, кажется впервые за последнее время, чувствую себя довольным.

За окном вступает в свои права утро большого города: звякнул стальными колёсами по рельсам первый трамвай, к форточке с чириканьем подлетел воробей и, усевшись на пустую кормушку, зачирикал, требуя ежедневной дани.

Я смотрю на него. Поднимаюсь с кресла. Открываю форточку, подставив лицо под струю свежего воздуха. Воробей перескакивает с кормушки на ветку ближайшего дерева,

и к нему тут же присоединяются несколько его сородичей. Ухмыльнувшись, я лезу в шкаф за приготовленной для них пшённой крупой.

Впервые за долгое время я сделал какое-то дело, после которого не хочется сразу же жалеть о последствиях. Просто нужно быть честным с самим собой, тогда-то всё и сдвинется с мёртвой точки.

Впервые за много дней я забылся во сне.

...Первое, что я почувствовал – холод и вкус крови во рту. Превозмогая дикую головную боль и дрожь во всём теле, я попытался разлепить глаза и понял, что не могу это сделать без помощи рук – такое впечатление, будто мои веки намазали клеем. Деревянными пальцами я потянулся к лицу и с трудом разлепил-таки веки.

Карьер, стены которого освещали лучи утреннего солнца, представлял собой удивительное зрелище – он напоминал (если смотреть снизу) поставленную с ног на голову египетскую пирамиду (перевернутую пирамиду!). Когда-то здесь добывали ровными блоками тальк, сейчас же это место было заброшено, и только редкие любители пикников изредка заглядывали сюда.

С пробуждением сон не забылся, мне показалось, что это был и не сон вовсе, а транс, вызванный последствиями визита к психиатрам. *Я чувствовал боль, боль во всем теле и холод, который судорогой сводил всё моё тело. Обнажённое тело!*

Перебираю свои небогатые пожитки: ворох мятой одежды, блокнот (единственная зацепка!) ... Но он почти пуст: обычный журналистский блокнот, где записано одно интервью и небольшие заметки. Блокнот этот и деньги мне выдали в больнице при выписке. И всё!!!

Итак. Всё, произошедшее со мной, делится на ДО ПЕРЕВЁРнуТОЙ ПИРАМИДЫ и ПОСЛЕ НЕЁ.

ДО НЕЁ всё запутано, есть только отдельные кусочки.

ПОСЛЕ НЕЁ есть то, что происходит со мной *сейчас*, и воспоминания о ДО, то есть опять те же самые кусочки, всплывшие, кстати говоря, не сразу.

Получается, что ПЕРЕВЁРНУТУЮ ПИРАМИДУ вполне можно считать некоей точкой отсчёта в обе стороны. Условной, потому что я называю ПЕРЕВЁРНУТОЙ ПИРАМИДОЙ конкретное место, которое само по себе, скорее всего не значит ничего. Разве... Разве что я ещё многого не знаю и до многого не додумался. Посмотрим.

Я встал из-за компьютера и, поставив чайник с водой на газовую горелку, задумался.

Голова ясная, но её переполняют воспоминания, совершенно не похожие одно на другое. Начавшись во сне, они стали приходить ко мне независимо от моего желания, иногда в самый неподходящий момент. Некоторые из этих воспоминаний истинные, а другие – ложные. Удастся ли разобраться хоть в чем-то?

Когда я смотрю в зеркало, мне кажется, что это

не моё лицо. На меня из зазеркалья смотрит человек, которого я где-то видел. Где?!?

Я снова и снова смотрю на это лицо, и вдруг из глубин памяти всплывает имя: Дмитрий. Дима. Димка. Как такое может быть? Кто Он? Кто Я?!?

Я собираюсь с силами и пытаюсь внести хоть какую-то ясность в свои мысли. Перевернутая пирамида – это первое, что я увидел в своей нынешней жизни (реинкарнации?)

От этого условного нуля и будем крутить события.

Сосредоточившись, я могу вспомнить фрагменты целых трёх линий воспоминаний.

В первой линии меня зовут Виктор. Это основная линия, наиболее чёткие воспоминания.

Во второй линии меня зовут Дмитрий. Это – какие-то фрагменты воспоминаний.

И, наконец, есть третья линия, она пугает меня гораздо больше первых двух. Она не похожа ни на ту линию, где я ощущаю себя Виктором, ни на ту, где я ощущаю себя Дмитрием. Хотя... скорее, это всё-таки линия Дмитрия, но она имеет мало общего с миром, где мы живём. Точнее, с нашим временем.

Линия Виктора.doc

Не могу сказать, что помню все досконально. Но я уверен, что жил в этом городе и работал здесь журналистом. У меня

было много друзей и знакомых. У меня были жена и любовница...

Я вновь разглядываю в зеркало свою физиономию.

В памяти всплывает магазин «Продукты», который я видел, когда был с визитом у психиатров.

Улица Чайковского.

Или я жил здесь когда-то, или я – тот ВТОРОЙ... Ну дела!

Но визит на Чайковского, конечно же, нанести стоит.

Странно. Странно и, я бы сказал, дико.

– Димочка, здравствуй!

«!!! Я знаю, что меня зовут Виктор!!!»

Девушкой бы я её не назвал. Скорее по-деревенски – молодуха. Пышная фигура едва прикрыта домашним халатом. Голубые, навывкате глаза лучатся. Я в них отражаюсь. Весь.

– Ты... Жив?!

– Здравствуй, – чувствую себя ужасно глупо и произношу то, что почему-то кажется логичным: – Я к Виктору.

Её и без того огромные глаза становятся ещё больше. Кажется, что лица больше нет – одни глаза. В них непонимание и... слёзы.

– Зачем ты так? Ведь ты... Ведь ты не знаешь, что он пропал! А здесь он не живет давно.

Откуда-то из глубин памяти вытаскиваю: «Это бывшая жена меня-Виктора».

Вместо того чтобы окончательно смутиться, я чувствую,

что начинаю нервничать.

Закрываю глаза. ЩЕЛЧОК.

И – передо мной совсем другая картина. В глазах женщины больше нет удивления – в них участие, желание помочь и... похоть. Она похорошела, подтянулась что ли. Появилась грация, женственность. Её губы тянутся к моим...

Понимание происходящего приходит на каком-то интуитивном уровне.

– Пожалуйста, – произнес я неожиданно охрипшим голосом, – пожалуйста, приготовь покушать. Я пойду приму ванну.

Миг – и она уже на кухне. Слыша позвякивание посуды, я странно знакомой дорогой действительно иду в ванну и, через несколько минут, в охватившей моё тело горячей истоме, на меня накатились старые воспоминания.

Мы были одноклассниками. Дружили, спорили, соперничали друг с другом всегда. Влюблялись одновременно, учили физику и математику, обсуждали музыку и порнографию, литературу и карточные игры, одноклассниц и вождей революции... В общем жили бок о бок. Даже учительница любимая была у нас одна и та же, и родились почти в один день. (Димка всегда заявлял с гордостью: «Кто тут старший?»), имея в виду то, что он действительно старше меня аж на четыре дня!).

А познакомились мы в восьмом классе средней школы нашего поселка, куда его привезла мать из Башкирии.

Говорят, там у них климат особенный – то ли радиация, то ли ещё какая штука, но по сравнению с «местными» Димка был просто великаном, а вот я на физкультуре стоял в самом конце шеренги – пацан, да и только.

Что-то меня в нем привлекало, хотя мы были очень разные.

Он самоутверждался. Всегда и во всем. Самый красивый, самый интересный, самый остроумный. В классе он за месяц-другой стал более «своим», чем я за восемь лет.

Абитуриентским летом наши пути-дорожки разбежались. Я поступил на журфак, а он успешно завалился в институте торговли и загремел в армию. В «учебке» он пару месяцев был в городе и даже как-то выбрался ко мне в гости, в общагу. И – представьте – впервые не смог доказать свое превосходство моим новым патлатым друзьям. Чуть до драки дело не дошло... Даже обиделся.

Дальше – больше. Через два года он вернулся в родной поселок. Он пел в ансамбле и на свадьбах, крутился и халтурил как мог, одно время даже пытался возродить комсомольскую организацию – хлопотно, зато интересно. Параллельно увлекся компьютерами и вскоре стал хорошим, хотя и не очень востребованным, программистом-самоучкой. Я в посёлок приезжал редко, зато, если появлялся, то обязательно звонил:

– Димка! С тебя пиво, с меня – веники. Баню я топлю

сам, и чтобы в восемнадцать ноль-ноль был как штык!

Пили пиво, болтали. Играли в карты, иногда в шахматы. Рассказывали друг другу о жизни. Он чувствовал, что у меня в жизни тоже не всё в порядке – с журфака я ушел, «бегал» от армии, уезжал на север к черту на кулички и, под занавес, зачем-то поступил в технический вуз, будто зло насмехаясь над самим собой.

А я чувствовал – представьте – что он мне завидует. Он вернулся из армии, по его собственному выражению, «деревянный по пояс», на учебники смотреть не мог. Крутился как мог, а толку – чуть, без образования – никуда...

Я всегда его слушал внимательно. Давал кучу всяких советов, да толку... Другое меня удивляло. Приезжая, я ни к кому кроме него в гости не ходил, а вот с ним готов был общаться сутками. Чувствовал какую-то общность между нами. Странно.

Вскоре мы стали встречаться чаще, уже в городе, куда он стал наведываться несколько раз в месяц за свежими музыкальными кассетами для дискотек. Я к тому времени уже женился – квартира и все дела, только вот детей не было. Он оставался холостым.

Димка для меня всегда был любимым гостем. Приезжает – и я все дела прочь. Друг, одним словом.

Вскоре он узнал, что у меня есть любовница, и я мечусь между двумя бабами. По-моему, жалел меня, но с советами не лез.

Вот, вроде, и всё. Понимаю сейчас, что не так уж

и хорошо я знал его.

До его смерти.

Вокруг всё в красном. Всё плывёт перед глазами. Я с трудом поднялся на ноги и пустил прямо в лицо обжигающе холодные струи. Стало немного легче. Я ступил ногами на холодный кафель и поискал глазами халат. Не нашёл и, недолго думая, завернулся в большое махровое полотенце.

На кухне меня уже ждал накрытый стол – чай с лимоном, яичница, какой-то салат. Молодуха сидела и молча взирала на меня. Я только отметил про себя, что действую на неё каким-то странным образом. Она молчала, и я принимал это как должное – почти не обращал на неё внимания, словно так и должно быть. Ел я так, будто у меня неделю крошки во рту не было – смёл всё подчистую и устало отвалился на спинку стула, смежив веки.

– Спать хочу, – в этот момент я почувствовал, что *воспоминания* накатываются новой волной.

Я опоздал...

На похороны.

На похороны друга.

Безумная дорога в никуда, длящаяся два месяца, а потом – только боль. Себе, другим. Вообще говоря, глупость несусветная была рвануть в дорогу. Мир, видите ли, хотелось посмотреть – взял сто баксов, и вперёд! Пока деньги не кончатся. «На мизерах», зато интересно. Кто ж знал, что это фатальность?

Я не шевелюсь, боясь потерять ниточку, связывающую меня с воспоминаниями, и в то же время чувствую, как чьи-то руки помогают мне подняться, ведут и укладывают в постель. А затем женское тело – мягкое и теплое – обволакивает меня всего, а я боюсь даже пошевелиться, потому что память возвращается обрывками и требует сосредоточиться на них.

Ну, я и рванул. Просто путешествовать – без особого маршрута. Собрался, сообщил о своем решении родным и знакомым (врал почти всем, только Димке (ЕМУ!) правду сказал – когда прощался. Сел в поезд, идущий на запад. Ночной.

Оторвался на полную катушку! С палаткой, котелком и всеми делами. Кто ж знал, что, когда я приеду, Димки уже не будет.

Только могилка на поселковом кладбище.

Я расчленён надвое – сквозь картину воспоминаний, которую мне так не хочется спугнуть, я чувствую, как, помимо моей воли, моя плоть сливается с чужой плотью. Мне хорошо, но я всё ещё стараюсь не потерять ниточку. Это очень важно.

Зашел к ЕГО маме. Посидел. Что ещё? Смеюсь горько о том, что кое в чем он меня всё-таки переплюнул. По рассказам, день его похорон был солнечным и тёплым. Говорят, что пришла толпа – как на демонстрацию. Девчонки убивались...

Тоска и боль.

И к черту всё. Даже девчонок.

Наконец, плоть берет своё, и воспоминания пропадают. Почти в ярости раз за разом я вгрызаюсь в податливое женское тело, пока не проваливаюсь в липкую паутину сна.

Линия Дмитрия.doc

Проснулся я на чём-то удивительно мягком. Я заснул прямо на ней. И снова – *воспоминания*, и опять, в боязни спугнуть их, я, даже не пошевелившись, стал прислушиваться к себе.

...Толпа у военкомата, окружившая автобус с новобранцами, похмелье, песни, мама плачет... Меня забрали на день раньше, видно у них, в военкомате, какие-то планы изменились. Там нас первым делом обыскали – проверяли, что мы с собой взяли. Забрали иголки, ножи, лезвия, даже открывашки...

Подобные воспоминания меня настораживают. Твёрдо помню, что я-Виктор никогда не служил в армии, потому что сразу после школы поступил в институт.

Тело подо мной зашевелилось, и я аккуратно, чтобы не спугнуть картинку, сполз набок.

«Не реагировать!»

Тёплое тело прижимается ко мне.

...Курс молодого бойца проходили в карантине целый месяц. Это утром и вечером, подъем за 45 секунд. Отбой в десять, но на самом деле ложимся в половине первого. По утрам вскакиваю как угорелый. 40 минут зарядки, потом заправляю кровать, чтобы была гладкая и ровная, как «кирпичик». Это выражение сержанта, который всё бельё срывает у меня, и я снова заправляю, а остальные в это время отжимаются...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.